

На правах рукописи

ТУГУЗ Гошсим Туркубиевна

**АДЫГЕЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В ЯЗЫКЕ
НАРОДНОГО ЭПИЧЕСКОГО СКАЗАНИЯ «НАРТЫ»**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Майкоп – 2026

Работа выполнена в ГБУ РА «Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева»

Научный консультант: **Сурет Хазретовна Анчек,**
доктор филологических наук

Официальные оппоненты: **Магомедов Магомед Ибрагимович,**
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общего языкознания
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
педагогический университет им. Р. Гамзатова»;

Мисиева Луиза Ахмедовна,
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой второго иностранного
языка ФГБОУ ВО «Дагестанский
государственный университет»;

Овхадов Муса Рукманович,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры «Чеченская филология»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
университет им. А.А. Кадырова»

Ведущая организация: **ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук» (г. Нальчик)**

Защита состоится «25» декабря 2026 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам 24.2.267.03 при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д. А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, а также на сайте университета <https://adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/8243/>

Автореферат разослан « » _____ 2026 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент

Е.А. Богданова

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена проблеме комплексного исследования адыгейской фразеологической системы в языке народного эпического сказания «Нарты» в синхронно-диахронном аспекте в русле таких современных научных парадигм, как когнитивная лингвистика и лингвокультурология.

Степень изученности темы. Фразеология представляет собой одну из наиболее молодых и в силу этого мало разработанных областей адыгского языкознания. Несмотря на это, в научной литературе можно выделить несколько ключевых направлений исследования фразеологии адыгских языков. В рамках существующих исследований были изучены и описаны глагольные фразеологические единицы в системе языка (Н.Р. Иваноков, 1971), фразеологические единицы в семантическом, тематическом и структурно-грамматическом аспектах в кабардинском языке (Б.М. Карданов, 1973), синтаксические функции фразеологизмов в адыгейском языке (Ю.А. Тхаркахо, 1977), общие вопросы фразеологии: номинативная и оценочная семантика, фразеологические единицы негативной формы, слово как компонент фразеологизма, категориальное значение фразеологических единиц, омонимия, синонимия и антонимия, деривационные особенности, вариантность фразеологических единиц в кабардино-черкесском языке (А.Г. Емузов, 1986), основные критерии определения фразеологической единицы, отличие фразеологической единицы от слов, свободных словосочетаний, пословиц, поговорок и сравнительных оборотов, синонимия и вариантность фразеологизмов, принципы лексикографирования фразеологизмов (А.А. Шаов, 1988), взаимоотношения сложного слова и фразеологических единиц в абазинском языке (С.У. Пазов, 1990), семантика, структура, классификация фразеологических единиц кабардино-черкесского языка (Б.Ч. Бижоев, 2005), важнейшие параметры фразеологической концептуализации как сложного когнитивно-вербального процесса, результирующие аспекты формирования и развития морально-нравственной системы личности и социума (А.Ш. Трахова, 2007), символы и квазисимволы в адыгских фразеологизмах (на материале кабардино-черкесского языка (З.Х. Бижева, 2015).

Проблемам исследования фразеологических единиц в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах посвящены работы З.Х. Бижевой «Культурные концепты в адыгской языковой картине мира» (1999), Н.У. Вороковой «Этнокультурная специфика идиоматики: на материале русского и кабардино-черкесского языков» (2003), А.Ш. Траховой «Особенности фразеологической концептуализации морально-нравственной сферы личности (на материале устойчивых оборотов русского и адыгейского языков)» (2007).

Проведенный анализ научной литературы позволяет констатировать, что, несмотря на устойчивый интерес ученых-лингвистов к исследованию различных аспектов адыгской фразеологии, ее системное изучение началось сравнительно недавно и целый ряд важных аспектов общей фразеологии адыгских языков до сих пор остается дискуссионным и недостаточно изученным. В этой связи, обращение к проблеме комплексного исследования фразеологической системы адыгейского языка в эпосе «Нарты», определяется

следующими причинами: необходимостью интегрировать традиционные и современные научные подходы и ввести в научный оборот уникальный пласт языковых данных, а также обратиться к решению ряда дискуссионных вопросов теории адыгской фразеологии. Комплексное решение этих вопросов призвано способствовать более глубокому пониманию механизмов взаимодействия языка, мышления и культуры.

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами:

1. Комплексное изучение фразеологической системы адыгейского языка в языке эпоса «Нарты» с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии позволяет перейти от описания свойств фразеологических единиц к пониманию их роли в репрезентации языковой картины мира и культурных кодов адыгского народа.

2. Актуальность определяется исключительной значимостью эпоса «Нарты» как лингвокультурного памятника. Адыгский нартский эпос, будучи консервативной формой хранения языка, предоставляет аутентичный материал для реконструкции древнейшего пласта адыгейской фразеологии, большая часть которого до сих пор не введена в научный оборот. Исследование фразеологизмов в текстовом пространстве эпоса позволяет выявить их первоначальные смыслы и контексты функционирования, что невозможно при анализе современных языковых данных.

3. Анализ фразеологических единиц в синхронно-диахронном аспекте позволит не только описать современное состояние фразеологической системы адыгейского языка, но и выявить исторические закономерности ее формирования, что внесет существенный вклад в развитие общей теории фразеологии адыгейского языка и кавказских языков.

4. Большинство исследуемых фразеологизмов обладают национально-специфической семантикой, а их детальное изучение способствует расширению представлений об эмоционально-психических, интеллектуальных и духовно-ценностных доминантах национального мировосприятия и этнического самосознания носителей адыгейского языка.

5. Актуальность работы также определяется ее значимостью для сравнительно-сопоставительных исследований в кавказоведении, поскольку эпос «Нарты» является общекавказским достоянием, бытуя в версиях многих народов Кавказа. Выявление общекавказских универсалий и национально-специфических особенностей в структуре и семантике адыгейских фразеологизмов в языке нартского эпоса позволит углубить понимание историко-культурных и языковых взаимосвязей народов Кавказа.

Объект исследования – фразеологизмы в языке адыгского народного эпического сказания «Нарты».

Предмет исследования – структурно-грамматические, семантические и функциональные особенности адыгейских фразеологических единиц в языке эпоса «Нарты», их системная организация и роль в репрезентации языковой картины мира и культурных кодов адыгского этноса.

Материал исследования. Источником выборки материала для исследования явились «Нарты. Адыгский эпос. Собрание текстов в семи томах»

(1968, 1969, 1970, 1971 – 2404 с.); «Нарты. Адыгский героический эпос. / Сост. А.И. Алиева, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев» (1974 – 420 с.). «Фразеологический словарь адыгейского языка» (1980 – 200 с.) Ю.А. Тхаркахо; «Русско-адыгейский фразеологический словарь» (1993 – 119 с.) З.У. Блягоз, Ю.А. Тхаркахо; художественные тексты на адыгейском языке.

Объем исследовательского материала составил 2850 адыгейских фразеологических единиц и свыше 15000 контекстов их употребления.

Гипотеза исследования состоит в том, что адыгейская фразеологическая система в языке эпоса «Нарты» представляет текстовый компонент, транслирующий лингвокультурный код, целостную и структурно организованную подсистему – эпическую фразеологию адыгейского языка. Мы исходим из предположения, что структурно-семантические и функциональные свойства фразеологических единиц эпоса не являются случайными, а детерминированы архетипическими представлениями и этнокультурным сознанием адыгского этноса. Следовательно, комплексный анализ данной системы в синхронно-диахронном аспекте позволяет не только описать ее внутреннюю организацию, но и реконструировать ключевые фрагменты архаичной адыгейской языковой картины мира, выявив универсальные и идиоэтнические механизмы фразеообразования и закономерности вербализации культурно-значимой информации.

Цель исследования состоит в комплексном и системном исследовании адыгейской фразеологической системы в языке народного эпического сказания «Нарты» с выявлением выразительных возможностей фразеологических единиц языка, установлением связи между языковыми единицами, стилем и смысловым содержанием.

Задачи исследования:

1) разработать и обосновать теоретико-методологические основания исследования адыгейской фразеологической системы в языке эпоса «Нарты» в синхронно-диахронном аспекте;

2) аргументировать уникальность языка эпоса «Нарты» как аутентичного источника для реконструкции адыгейской фразеологической системы;

3) уточнить содержание и соотношение ключевых для исследования понятий «фразеологическая система», «фразеосфера», «эпическая фразеология»;

4) провести структурно-грамматическую классификацию адыгейских фразеологических единиц в эпосе «Нарты» и охарактеризовать основные типы (субстантивные, глагольные, адъективные, адвербиальные);

5) выявить и описать типологические и структурно-грамматические модели построения фразеологических единиц в адыгском нартском эпосе;

6) проанализировать морфосинтаксические связи компонентов внутри фразеологических единиц и особенности их функционирования в синтаксической структуре эпического предложения;

7) провести многоаспектный семантический анализ и выявить парадигматические отношения фразеологизмов;

8) раскрыть особенности репрезентации адыгейской фразеосферы в языке эпоса «Нарты» и описать языковые механизмы кодирования культурно-значимой информации;

9) охарактеризовать этнокультурную специфику фразеологической концептуализации языковой картины мира в адыгском нартском эпосе; выявить и описать способы фразеологической репрезентации этнокультурных концептов в их взаимосвязи с системой ценностей адыгов;

10) проанализировать семантические группы соматических и зоонимических фразеологизмов и установить их роль в реконструкции лингвокультурных кодов адыгов.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Фразеологическая система языка эпоса «Нарты» является целостной структурно-организованной подсистемой адыгейского языка, чей уникальный корпус устойчивых единиц, обладающий особыми структурно-грамматическими моделями и механизмами семантической деривации, позволяет выделить ее в качестве самостоятельного объекта лингвистического описания – эпической фразеологии адыгейского языка.

2. Эпическая фразеология адыгейского языка представляет собой лингвокультурный феномен – систематизированную совокупность устойчивых выражений, обладающих архаичными чертами и являющихся ключевым источником для реконструкции наиболее древнего пласта адыгейской языковой картины мира.

3. Адыгейская фразеологическая система языка эпоса «Нарты» обладает выраженной структурно-семантической автономией, характеризующейся доминированием глагольных моделей, специфической типологией вариантов/модификаций и семантическими отношениями, детерминированными законами устной эпической традиции и мифопоэтической логикой.

4. Структурно-грамматическая организация адыгейской эпической фразеологии представлена всеми основными классами ФЕ (субстантивные, глагольные, адъективные, адverbиальные). Доминирующая роль глагольных фразеологических единиц отражает событийно-динамический характер эпического повествования и акциональную природу адыгейского языка.

5. Структурно-семантическая организация фразеологизмов эпоса «Нарты» детерминирована архетипическими представлениями и культурными константами адыгского этноса. Структурные модели фразеологизмов выступают в качестве материальных носителей, кодирующих эталоны поведения, этические принципы и этнические стереотипы в адыгейской языковой картине мира.

6. Семантическая структура адыгейских фразеологических единиц в эпосе «Нарты» характеризуется развитой системой парадигматических отношений (синонимия, антонимия) и синтагматических связей (вариантность, полисемия), которые, отражая особенности выразительных средств адыгейского языка, подчинены законам устной эпической традиции, служа

целям ритмико-мелодической организации текста и вариантности повествования.

7. Семантика адыгейских фразеологизмов в языке эпоса реализуется через систему устойчивых образных моделей, основанных на метафорическом и метонимическом переосмыслении архетипических концептов, формируя устойчивые когнитивные схемы восприятия мира.

8. Фразеосфера эпоса «Нарты» является вербализованной частью адыгейской языковой картины мира и выполняет функцию культурной памяти, кодируя базовые концепты, что позволяет реконструировать систему ценностей и этническое мировоззрение в его архаичном, «идеализированном» виде.

9. Адыгейские фразеологические единицы в языке нартского эпоса, аккумулируя и транслируя систему этнических ценностей, этических норм «адыгагъ» (адыгство) и моделей поведения, являются ключевыми репрезентантами базовых концептов адыгской лингвокультуры *ЛЫГЪЭ* «МУЖЕСТВО», *АКЪЫЛ* «УМ», *ПСЭ* «ДУША», *ЩЫПЭНЫГЪ/ЛПЭНЫГЪ* «ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ», *ГУШПАУГЪУ* «РАДОСТЬ», *ГУБЖ* «ГНЕВ», *ЧЭФЫНЧЪАГЪ* «ГРУСТЬ», *НЭШХЪЭИГЪ* «ПЕЧАЛЬ», *ЩТЭ* «СТРАХ, ИСПУГ», что позволяет рассматривать фразеосферу как вербализованный культурный код.

10. Соматические и зоонимические фразеологизмы образуют концептуальное ядро фразеосферы эпоса «Нарты». Данные единицы, в особенности с компонентами-соматизмами *гу* (сердце), *шъхъэ* (голова), *нэ* (глаз), аккумулируя древнейшие мифологические представления, тотемические пережитки и культурные символы, выступают важнейшим источником для реконструкции архаичной адыгейской языковой картины мира.

Теоретической базой диссертационного исследования послужили концепции и научные положения, разработанные в рамках следующих направлений: *теории общей фразеологии*: Н.Н. Амосова (1963), Ю.Д. Апресян (1957), G.L. Apperson (1993), Ш. Балли (1905, 1961), В.В. Виноградов (1959, 1977, 1986), В.П. Жуков (1966, 1968, 1980), А.В. Кунин (1970, 1972, 1984, 1996), Б.А. Ларин (1956), Б. Лафлёр (1979, 1991), В.М. Мокиенко (1975, 1980), А.И. Молотков (1977), Е.Д. Поливанов (1928, 1931, 1968), А.А. Реформатский (1996, 2001), Л.И. Ройзензон (1965), Т. Сейвори (1968), А.И. Смирницкий (1956), Л.П. Смит (1959), В.Н. Телия (1966, 1968, 1982), Т.Н. Федуленикова (1984, 2006) и др.; *адыгского языкознания*: М.П. Ахиджакова (2007), Б.М. Берсиров (2006), З.Х. Бижева (2000, 2002, 2014, 2015), Б.Ч. Бижоев (2005, 2006), З.У. Блягоз (1992, 1993), Н.У. Ворокова (2003), А.Г. Емузов (1976, 1986), Н.Р. Иваноков (1970, 1976), Б.М. Карданов (1973, 1974, 1976), М.Ч. Кремшокалова (2009, 2013, 2015), С.У. Пазов (1990, 1994), Ю.А. Тхаркахо (1971, 1972, 1980), А.А. Шаов (1988) и др.; *кавказоведения*: Д.Б. Байсултанов (2006), А.Г. Гюльмагомедов (1978, 1982, 1984, 1990), М.И. Исаев (1964), М.М. Магомедханов (1972, 1993, 2012), А.Г. Мадиев (1973), Л.А. Мисиева (2023), М.Г. Тагиев (1966), А.А. Такайшвили (1962) и др.; *когнитивной лингвистики и лингвокультурологии*: Н.Ф. Алефиренко (1993, 1999, 2008), А.П. Бабушкина (1996), Л.Ю. Буянова (2002, 2006, 2012, 2016), Т.В. Гриднева (2009, 2014), М. Джонсон (1980), Д.О.

Добровольский (1990, 1991), М.Л. Ковшова (1996, 2009, 2012, 2019), Е.С. Кубрякова (1992), Дж. Лакофф, В.А. Маслова (2004, 2007, 2009, 2012, 2016), Н.Б. Мечковская (2008), В.Н. Телия (1996, 1995), Л.Р. Хагба (2006), Т.З. Черданцева (1996) и др.

Методы исследования обусловлены спецификой диссертации и соотносятся с поставленной целью и сформулированными задачами: метод сплошной выборки для формирования корпуса исследуемых фразеологических единиц из текста эпоса «Нарты»; историко-филологический анализ, сравнительно-исторический метод с привлечением данных других кавказских языков; этимологический анализ для реконструкции происхождения и эволюции адыгейских фразеологических единиц; структурно-семантический анализ; компонентный анализ; дистрибутивный анализ; контекстуальный анализ; концептуальный анализ.

Научная новизна исследования заключается в следующем: 1) впервые осуществлено комплексное системное описание фразеологии адыгейского языка на материале эпоса «Нарты» как целостного лингвокультурного феномена; 2) в научный оборот вводится и получает теоретическое обоснование понятие «эпическая фразеология» адыгейского языка, определяемая как исторически сформировавшаяся подсистема адыгейского языка, обладающая уникальным корпусом единиц, особыми структурными моделями и механизмами семантической деривации; 3) установлены и охарактеризованы универсальные и специфические (идиознические) механизмы фразеобразования в адыгейском языке на материале нартского эпоса; 4) раскрыта детерминация структурно-грамматических моделей адыгейских фразеологических единиц архетипическими представлениями и культурными константами народа; 5) проведена классификация структурно-грамматических моделей фразеологических единиц эпоса (субстантивные, глагольные, адъективные, адвербиальные) и установлена их продуктивность, выявлена доминирующая роль глагольных моделей, отражающая акциональную природу языка и динамизм эпического повествования; 6) реконструирована система парадигматических и синтагматических отношений в адыгейской эпической фразеосфере (полисемия, омонимия, синонимия, антонимия, вариантность), доказана их зависимость от законов устной эпической традиции; 7) выявлены особенности фразеологической концептуализации языковой картины мира нартского эпоса; 8) эксплицированы архаичные культурные коды (соматический и зоонимический), объективированные во фразеологизмах, установлена их роль в реконструкции фрагментов адыгейской языковой картины мира.

Теоретическая значимость диссертационной работы. Системное описание адыгейской фразеологической системы в языке нартского эпоса вносит фундаментальный вклад в дальнейшее развитие адыгского языкознания и теории адыгейской фразеологии. Разработанная методология комплексного анализа адыгейской эпической фразеологии, интегрирующая приемы структурно-семантического описания с методами когнитивной лингвистики и лингвокультурологии в синхронно-диахронном аспекте, является эффективным

инструментом для системного изучения фразеологических систем других младописьменных языков.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что основные его положения, использованный в нем материал могут быть применены в теоретических курсах по адыгейской фразеологии и фразеографии, лексикологии и истории адыгейского языка, при составлении фразеологических словарей адыгейского языка, а также могут быть использованы для дополнения и уточнения переиздаваемых фразеологических словарей. Выводы и результаты исследования могут быть использованы также при разработке спецкурсов и спецсеминаров по лингвокультурологии, лингвофольклористике, этнографии, на практических занятиях по адыгейскому языку, при написании дипломных и диссертационных работ по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры.

Апробация работы. Результаты проведенного исследования и значимые положения диссертации обсуждались на международных, всероссийских, межрегиональных, региональных и межвузовских научных, научно-практических и научно-методических конференциях, форумах и симпозиумах: Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Х.С. Бгажба (Сухуми, 2014), Международной научно-практической конференции «Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка», посвященной памяти М.С. Мижаева (Нижний Архыз, 2014), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы кавказоведения в XXI веке» (Магас, 2015), Международной научно-практической конференции «Нартоведение в XXI веке: проблемы, поиски, решения» (Магас, 2015), V Международной научной конференции «Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи» (Махачкала, 2016), Международной научно-практической конференции «Язык, письменность и алфавит: актуальные проблемы их взаимодействия» (Майкоп, 2016), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения кавказских языков» (Махачкала, 2017), V Международном симпозиуме лингвистов-кавказоведов «Проблема частей речи в иберийско-кавказских языках», посвященном 120-летию со дня рождения академика Арнольда Чикобава (Тбилиси, 2018), Международной научной конференции «Фольклор народов Кавказа: историческое наследие и современное бытование», посвященной 80-летию со дня рождения ведущего фольклориста, известного нартоведа, литературоведа, общественного деятеля Аншба А.А. (Сухум, 2016), Международном научном симпозиуме «Адыгский эпос «Нарты» и мировое эпическое наследие» (в рамках празднования 95-летия со дня рождения ученого-нартоведа А.М. Гадагатля) (Майкоп, 2017), Международной научной конференции «Становление и развитие младописьменных языков», посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося языковеда Д.А. Ашхамафа (Майкоп, 2017), Всероссийской научно-практической конференции «Русский язык в полиэтнической среде» (Махачкала, 2018), Международной научной конференции «История развития адыгских языков» (Майкоп, 2018), Международной научной конференции «Кавказология: история и

современность» (Майкоп, 2018), Международной научной конференции «Адыгейский язык в современном лингвокультурном пространстве» (Майкоп, 2019), Международной научной конференции «Проблема синтаксиса в кавказских языках», посвященной 90-летию академика Академии наук Абхазии Ш.К. Арста (Сухум, 2019), V Международном конгрессе кавказоведов «Грузия в культурно-цивилизационном контексте Кавказа» (история, современность и перспективы) (Тбилиси, 2019), Всероссийской научной конференции с международным участием «Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы», посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа В.П. Невской (Карачаевск, 2019), Международном научно-практическом форуме «Проблемы традиционной художественной культуры горских народов» (Сухум, 2020), Научно-практической конференции с международным участием «Экбовские чтения – 2021» (Карачаевск, 2021), Научно-практической конференции «Язык. Культура. Дискурс: этноментальные особенности полилингвальной коммуникации» (Нальчик, 2021), IV Международной научно-методологической конференции «Сохранение и развитие национального языка в условиях глобализации: современные методы и технологии», посвященной Году науки и технологий (Майкоп, 2022), Международном симпозиуме «Нартоведение в XXI веке: историография, парадигмы, поиски и решения» (Майкоп, 2022), Первых Международных Шинкубовских чтениях (Сухум, 2022), VI Международном конгрессе кавказоведов. Кавказ – междисциплинарные исследования II. Языки, народы, культуры, генетические исследования (Грузия, 2022), Международной научно-практической конференции «Клычёвские чтения-2022», посвященной 90-летию абазинской письменности (Карачаевск, 2022), Национальной конференции с международным участием «Проблемы изучения миноритарных языков в парадигме современного языкознания», приуроченной к 80-летию доктора филологических наук, профессора З.М. Габуния (Нальчик, 2022), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы общего и дагестанского языкознания». К 100-летию профессора Г.Х. Ибрагимова (Махачкала, 2025); II–VIII Международной научно-методологической конференции «Сохранение и развитие родного языка в условиях глобализации: современные методы и технологии» (Майкоп, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025) и др.

Основные положения диссертации изложены в **58** научных работах, среди которых одна монография (2026), один словарь (2026), **25** статей, опубликованных в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографического списка использованной литературы, приложения в виде толкового фразеологического словаря адыгейского языка (на материале адыгского нартского эпоса), принятые сокращения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, излагаются цели и задачи, решаемые в диссертационном исследовании, формулируются гипотеза и положения, выносимые на защиту, определяются

объект, предмет, материал, методы исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, характеризуются методологические основы и материал исследования, приводятся сведения об апробации результатов.

В первой главе «Теоретические основания изучения адыгейской фразеологии в лингвистической науке» рассматриваются общетеоретические проблемы фразеологии, анализируется история изучения фразеологии адыгских языков и дается критическая оценка современного состояния данной области языкознания. Уточняются и разграничиваются ключевые для работы понятия «фразеологическая система» и «фразеосфера»; получает теоретическое обоснование понятие «эпическая фразеология».

Фразеологизмы рассматриваются как концентрированные носители культурного кода, хранящие и вербализующие традиции народа, что доказывает неразрывную связь языка и культуры. Изучением этого взаимодействия занимается фразеологическая лингвокультурология – одно из ведущих направлений антропоцентрической парадигмы в языкознании (см.: Н.Ф. Алефиренко (1993, 2008), А.П. Бабушкин (1996), Д.О. Добровольский (1997, 1998), М.Л. Ковшова (2009, 2014, 2016), В.Н. Телия (1995, 1996) и др.), которое исследует диахроническую связь языка и национальной культуры в различные исторические эпохи. Будучи ярким проявлением антропоцентрического подхода, фразеологическая лингвокультурология изучает, как в устойчивых выражениях вербализуется и транслируется национальное мировоззрение в различные исторические периоды, утверждая тем самым неразрывную связь языковых и культурных систем. Как знак культуры фразеологизм хранит традиции народа, передает из поколения в поколение культурные знания относительно реалий, положенных в основу фразеологического образа: обиходно-бытовые, обрядово-ритуальные, религиозные, исторические, литературные, мифологические, научные и т.п. [Ковшова, 2014: 115]. Именно наличие образа делает фразеологизм не просто сочетанием слов, а активным транслятором культурных смыслов, который непосредственно участвует в формировании особой культурной семантики единицы. Смысл фразеологизма не выводим из суммы его компонентов. Эта целостность позволяет рассматривать его как сжатый «текст культуры», в котором закодирована информация о ценностях и мировоззрении народа. Культурный код выступает ключом к интерпретации фразеологической единицы, т.е. прямое, буквальное понимание компонентов не приводит к верному смыслу, для декодирования необходим культурный код, принадлежащий конкретному лингвокультурному сообществу, что подчеркивает их идиотническую природу. В лингвокультурологическом изучении фразеологии актуальными являются три ключевые методологические задачи: 1) развитие терминологического аппарата; 2) поиск новых методов, выходящих за рамки традиционного структурно-семантического анализа; 3) исследование механизмов взаимодействия культуры и языка [Зыкова, 2014].

Диахронический подход позволяет раскрыть заложенную во фразеологизме культурологическую и когнитивную информацию. Н.М.

Шанский определяет следующие задачи диахронического анализа ФЕ: 1. Установление происхождения (исконное или заимствованное); 2. Датировка появления современного значения, состава и структуры; 3. Реконструкция первоначального вида и структурно-семантических характеристик; 4. Выявление внутренней формы – определение образа или мотивации, лежавшей в основе возникновения фразеологизма [Шанский, 1996].

В свою очередь, синхронный анализ функционирования фразеологизма в современном языке может помочь уточнить или подтвердить его историческое происхождение и значение. Таким образом, для системного исследования адыгейской фразеологической системы наиболее эффективным представляется комплексный подход, интегрирующий синхронный и диахронный анализ с методами когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Такой подход позволяет учесть всю совокупность факторов, влияющих на формирование, развитие и современное функционирование фразеологических единиц.

Исследования по проблемам адыгской фразеологии не имеет длительных научно-разработанных характеристик. Фразеология адыгских языков представляет собой одну из наименее исследованных разделов адыгovedения. Фразеологию как самостоятельную дисциплину в адыгских языках наиболее полно рассмотрел Б.М. Карданов. Появление его работ по фразеологии кабардинского языка (1963, 1968, 1973) стало важным фактором для самостоятельной разработки вопросов по проблемам кабардино-черкесской фразеологии. Теоретическое изучение фразеологии адыгейского языка начинается трудами Ю.А. Тхаркахо (1971, 1972, 1973, 1977), Н.Р. Иванокова (1971), А.А. Шаова (1980, 1988). Некоторые ученые-адыгovedы применяют классификационную схему В.В. Виноградова к фразеологизмам адыгских языков (см.: Б.М. Карданов (1973), Ю.А. Тхаркахо (1971), А.Г. Емузов (1986), Ф.И. Хейшхо (2000) и др.). Вслед за ними в нашей исследовательской работе, выделяя фразеологические группы с точки зрения семантики, мы будем пользоваться традиционными терминами: «фразеологические сращения», «фразеологические единства», «фразеологические сочетания».

К фразеологическим сращениям адыгейского языка относятся фразеологизмы, отличающиеся абсолютной неразложимостью, немотивированностью своего значения. Эти единицы характеризуются семантической монолитностью, эквивалентны слову и являются носителями номинации. Например, *гур кIодын* (букв. сердцу пропасть) «**упасть духом, отчаяться**»; *шъхъэм къыхъан* (букв. в голову зайти) «**прийти в голову, прийти на ум**» и т.д. В адыгейском языке фразеологические единства, как и фразеологические сращения, характеризуются семантической цельностью, но иного уровня: компоненты фразеологизма данной группы, образуя неделимую, устойчивую единицу, вместе с тем сохраняют свою семантику. Фразеологическим единицам в группе фразеологических единств присуща мотивированность, значительной части фразеологизмов – метафоричность. Входящие во фразеологические единицы этой группы слова сохраняют определенное лексическое значение, но они теряют свое прямое значение, как только входят в состав фразеологизма (*цIыф хъылъ* (букв. человек тяжелый)

«тяжелый характер»; **ыльакьо тегъзуцон** (букв. на ногу поставить) **«вырастить до самостоятельности»**) и т.д. Фразеологические сочетания в адыгейском языке имеют отличительную особенность – отсутствие переносно-метафорического значения, образности. Часть слов, входящих во фразеологизмы этой группы не сохранила своего значения. В современном адыгейском языке эти слова не употребляются вне фразеологизма (**гур ебгъэн «обидеться на кого-л.»**) [Тхаркахо, 1971]. Фразеологические сочетания эквивалентны словам и являются носителями номинации.

Синтез существующих подходов позволил установить инвариантный набор критериев выделения фразеологических единиц, лежащих в основе нашего исследования: идиоматичность, устойчивость, воспроизводимость и раздельнооформленность. Данные критерии образуют системообразующее ядро фразеологизма и являются базой для его дифференциации от свободных словосочетаний и сложных слов. Согласно мнению Б.Ч. Бижоева, «устойчивость фразеологизма обуславливается тем, что он состоит из строго определенных слов-компонентов, и замена одного из компонентов неизбежно влечет за собой изменение значения фразеологизма в целом» [Бижоев, 2005], т.е. к распаду данной фразеологической единицы. Основным признаком фразеологических единиц обычно считают функциональную эквивалентность фразеологизма отдельному слову. Подобного мнения придерживаются Б.М. Карданов (1973), Ю.А. Тхаркахо (1980) и др.

Генезис адыгейских фразеологизмов, как и в других языках, обусловлен сложным взаимодействием лексико-семантических, грамматических и стилистических факторов. Основным источником их формирования выступает метафорическое или метонимическое переосмысление свободных синтаксических конструкций, ведущее к семантической трансформации и идиоматизации.

Фразеологические единицы, обладая повышенной экспрессивно-образной и оценочной нагрузкой, выполняют в языке особую стилистическую функцию. Они демонстрируют высокую частотность и функциональную продуктивность. К особенностям фразеологии относится и национально-культурная специфика. Фразеологические единицы обусловлены особенностями традиций, культуры тех этносов, в которых они возникли и существуют. Фразеологический состав языка носит ярко выраженный национальный характер, что отражается в образности, структуре и семантике фразеологических единиц.

При определении специфики фразеологизмов возникает вопрос о необходимости отграничения их от свободных словосочетаний. А. Рей включает в состав фразеологии и словосочетания, и выражения [Рей, 1977]. Б. Лафлёр отмечает существующие разные понятия устойчивых сочетаний в трудах ученых: идиоматизмы, галлицизмы, клише. Сам ученый придерживается понятия словосочетания – идиомы или идиоматизмы. В основном зарубежные ученые, кроме самих идиом, к фразеологизмам относят идиоматичные пословицы, поговорки, крылатые выражения, разные метафоры, вульгаризмы, популяризмы [Лафлёр, 1991].

Отечественные лингвисты придерживаются различных мнений относительно принадлежности пословиц, поговорок, крылатых слов к фразеологии, которые реализуются в двух основных направлениях: направление с широким пониманием объема фразеологии и направление с узким пониманием объема фразеологии, допускающем или не допускающем в неё коммуникативные единицы. Представители первого направления (см.: В.Л. Архангельский (1968), Л.А. Булаховский (1953), Е.М. Галкина-Федорук (1956), А.И. Ефимов (1971), А.В. Кунин (1970), А.А. Реформатский (1996), В.Н. Телия (1966), Н.М. Шанский (1982) и др.) наряду с ФЕ относят к фразеологическим средствам языка и пословицы, афоризмы писателей, цитаты, ставшие крылатыми, составные термины и т.д. Включение данных единиц к фразеологии объясняют тем, что их объединяют «общие конституативные признаки: воспроизводимость в речи и семантико-структурная устойчивость», а также то, что они употребляются «как готовые формулы языка» [Диброва, Касаткин, Щебокова, 1997: 268–270].

Представители второго направления (см.: Н.Н. Амосова (1963), А.М. Бабкин (1964, 1970), В.П. Жуков (1991), Б.А. Ларин (1956), А.И. Молотков (1986), С.И. Ожегов (1957) и др.) наоборот, объем фразеологии ограничивают лишь устойчивыми словосочетаниями с переосмысленным лексически неделимым значением. Предметом фразеологии они считают только фразеологические единицы и не путают их с другими сочетаниями слов.

В.В. Виноградов не включает в разряд фразеологизмов пословицы, поговорки, крылатые слова, считая, что они по своей синтаксической структуре и семантике отличаются от фразеологических единиц. По его мнению, «пословицы и поговорки имеют структуру предложения и не являются семантическими эквивалентами слов» [Виноградов, 1986: 89–100]. В.П. Жуков считает, что пословицы нужно исключить из состава фразеологии, поскольку в основе их семантического содержания лежат суждения, а не понятия, как у фразеологизмов, и они могут употребляться и в буквальном, и переносном значениях, что также отличает их от фразеологизмов [Жуков, 1991, 2011]. Н.М. Шанский относит пословицы и поговорки к фразеологии и основанием для этого, по его мнению, служит общность их характеристик: общеупотребительность, воспроизводимость в речи в готовом виде, устойчивость компонентного состава, структуры и значения [Шанский, 1996]. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский отмечают, что «пословица – это фразеологизм, имеющий структуру предложения, с семантикой всеобщности, выражающий рекомендацию (совет, нравоучение или запрет) и/или объясняющий обсуждаемое положение дел с точки зрения правил наивной логики [Баранов, Добровольский, 2010: 83].

Исследователи, которые включают в состав фразеологии устойчивые и свободные словосочетания данного языка, делают установление границ фразеологии невозможным. «Фразеология немыслима без границ, как и любая другая научная дисциплина, не имеющая своих четко очерченных границ» [Назарян, 1987].

В адыгской лингвистической науке до настоящего времени остается спорным вопрос о принадлежности пословиц, поговорок, крылатых слов к фразеологизмам. К фразеологическим единицам Б.М. Карданов относит все виды устойчивых словосочетаний, однословные образования, обладающие метафоричностью. Например, *хьэкIэпыч* (букв.: отрывающий хвост у собаки) «хитрый», «проныра»; *пцIыпхь* (букв.: тот, кто сеет ложь) «лгун»; *хьэжьвакьэжыпх* (букв.: старая собака, съедающая чувяки) «хапуга».

Б.М. Карданов к фразеологии относит и пословицы, отмечая, что «бытуя в речи в течение длительного времени, пословицы превратились в поэтические клише, где в ряде случаев все компоненты составляют нерасторжимое семантическое единство. Многие пословицы, возникшие на конкретной почве и отражавшие первоначально вполне конкретные образы, приобрели обобщенное, переносно-метафорическое значение. *Бжьэ зи куэдым бжьэ матэр жьантIэм дегьэувэ*. «У кого много пчел, тот ставит улей на почетное место» [Карданов, 1973: 5].

Однако присущий пословицам переносно-метафорический признак не превращает их во фразеологизмы, так как сохраняются номинативные значения составных компонентов. По мнению А.А. Шаова, «крылатые слова, афоризмы, цитаты, терминологические сочетания, как и пословицы, нельзя относить к фразеологии. Фразеологизмы и пословицы сближает их обобщенно-переносное значение, но отличаются они в функционально-грамматическом плане» [Шаов, 1988: 170–171]. «Пословицы необходимо отграничить от ФЕ и рассматривать в кругу других выразительно-изобразительных поэтических средств языка. Однако при этом нельзя не учитывать, что часть пословиц является источником фразеологизмов» [Пазов, 1990: 19].

Исследователи адыгейского языка П.М. Багов (1977), Ю.А. Тхаркахо (1980), А.А. Шаов (1980, 1988), Ф.И. Хейшхо (2000), З.Б. Бгуашева (2003), придерживаясь узкого понимания фразеологии, выводят пословицы за пределы фразеологии, всеми признается, что пословицы в отличие от собственно фразеологизмов имеют всегда структуру законченного предложения и носят назидательно-поучительный характер. Мы разделяем взгляд Ю.А. Тхаркахо относительно того, что пословицы и поговорки обладают собственными признаками, отличающими их от фразеологизмов. Фразеологические единицы и пословицы обладают устойчивостью содержания и лексического состава. Однако пословицы характеризуются смысловой и структурной законченностью, поучительностью. Пословицы репрезентируют ценностно-значимую модель поведения, которая присуща данному этносу. Пословица – это форма выражения опыта поколений. Критерием разграничения выступила номинативная функция: фразеологические единицы эквивалентны слову и являются членами предложения, тогда как пословицы, обладая структурой предложения, реализуют в коммуникации пропозициональную (афористическую) и дидактическую функции. Хотя пословицы могут включать в свой состав фразеологизмы, их отождествление методологически некорректно.

Несмотря на принадлежность к разным уровням языка (фразеологическому и лексическому), фразеологические единицы вступают с лексемами в отношения функциональной эквивалентности, выступая в качестве вторичных, сложных номинативных знаков. Это подтверждается их способностью выполнять в синтаксической структуре предложения единую членопредложенческую функцию. Фразеологизмы часто употребляются для обозначения понятия, которое можно передать и одним словом, что отражено и в нартском эпосе адыгов, например: *гур изын* (букв. сердцу выпасть) – *ицтэн* «испугаться кому-л.». *Саусырыкъо нартмэ къызаишIэжъым агу изыгъ* [Нарты II т., 1969: 214]. «Когда нарты узнали Саусырыко, они испугались»; *гур псэфын* (букв. сердцу отдохнуть) – *рэхъатын* «успокоиться кому-л.». *Пэтэрэзым ылъ ышIэжъи, ыгу псэфы* [Нарты IV т., 1970: 105]. «Отомстив за Пэтэрэза, успокоился» [Перевод здесь и далее наш – Г.Т.].

По мнению В.В. Виноградова, «фразеологическая единица, как и слово, обозначает единое и неразделимое понятие и является эквивалентом слова, составляет единицу словарного состава языка» [Виноградов, 1947]. Следовательно, фразеологизмы могут быть членами синонимического ряда, где наличествуют слова. Объединить слово и фразеологизм в один синонимический ряд позволяет близость их значений. В тексте слово можно заменить фразеологизмом без ущерба содержанию. Однако в стилистическом понимании более выразительным является фразеологическая единица. Например: *Нарт Шэбатныкъо еомэ чэщырэ зыригъахъэу мафэрэ зигъэпсэфэу иныжъмэ яунэ фиуээнкIыгъэу чъэзэрэ чэщ горэм шы лъэмакъэ горэхэр, гущыIэ макъэхэр ытхъаКумэ къыридагъэх* [Нарты III т., 1970: 155]. «Нарт Шэбатыныко, отдыхая днем, а ночью мчась, направился к дому иныжев (великанов), и как-то ночью услышал топот копыт и голоса».

В этом предложении фразеологизм *тхъаКумэ къыридзэн* (букв. в ухо бросить) можно сказать одним словом *зэхэхын*. Общее значение для фразеологизма *тхъаКумэ къыридзэн* и слова *зэхэхын* «услышать» позволяет их включить в один синонимический ряд. Это подтверждает и «Словарь синонимов адыгейского языка» (1988) Ю.А. Тхаркахо. В данном словаре насчитывается 989 синонимических рядов, в образовании которых участвуют и слова, и фразеологизмы. *ГурыIожъын, зэхышIыкIыжъын, гурыфэжъын* (хъ) ◇ *игулытэ къыхъыжъын* «понять». *Еон* ◇ *утын ехын, ышъо гъэплъын* (хъ). *Егъ. зэхэукIыхъан* «избить». *Зэтеуцожъын* ◇ *зыпкъ иуцожъын, дэхэкIае хъужъын* (хъ) «восстановиться» [Тхаркахо, 1988: 18, 58, 370].

Системный характер адыгейской фразеологии проявляется в наличии у фразеологических единиц парадигматических отношений, аналогичных лексическим: вариантности, полисемии, омонимии, синонимии и антонимии. Ключевым дифференциальным признаком, отличающим фразеологические единицы от слова, является их изначальная и неотъемлемая экспрессивно-образная маркированность.

Важное место в настоящем исследовании занимают такие понятия, как «фразеологическая система», «фразеосфера», «эпическая фразеология». Фразеосфера – это вербализованная часть языковой картины мира, хранилище

культурных кодов, стереотипов, символов, эталонов. Фразеосфера рассматривается нами как совокупность всех фразеологизмов языка, особая сфера языка, отражающая и транслирующая культурно-национальное мировоззрение, менталитет, ценностные ориентации и картину мира этноса. Фразеосфера уникальна для каждого языка и может содержать безэквивалентные фразеологические единицы. Это связано с концептуальным наполнением фразеологической системы, его роли в формировании языковой картины мира и мировоззрения этноса. Фразеологическая система – это исторически сложившаяся, упорядоченная и взаимосвязанная совокупность всех фразеологических единиц языка, объединенных парадигматическими, синтагматическими и деривационными отношениями и организованных по определенным структурно-семантическим, грамматическим и тематическим моделям. Таким образом, адыгейская фразеологическая система языка эпоса «Нарты» обладает специфическими структурно-семантическими особенностями и является материальным носителем уникальной фразеосферы, кодирующей культурный код адыгов.

Эпическая фразеология – лингвистически и культурно маркированный феномен, представляющий собой систематизированную совокупность устойчивых выражений, характерных исключительно для языка народного эпоса, обладающих архаичными чертами, выполняющих специфические жанровые функции и являющихся ключом к реконструкции древнейшего пласта языковой картины мира этноса. Ее исследование требует особых методов, учитывающих синтез лингвистического и лингвокультурологического подходов. Эпическая фразеология – ядро фразеосферы этноса в ее архаичном, «идеализированном» виде. Она кодирует ключевые концепты картины мира (героизм, судьба, честь, род, связь с природой и богами), этические принципы и социальные идеалы эпохи создания и бытования эпоса, сохраняет устаревшие лексемы, грамматические формы, синтаксические конструкции и семантические модели, исчезнувшие или изменившиеся в современном языке. Это делает эпос ценнейшим источником для диахронических реконструкций (напр., архаизмы в субстантивных фразеологических единицах, устаревшие глагольные формы: *Іэмыр шІын* (устар.) – *унашъо шІын* «принять решение», *къайнэт ехын* (устар.) – *емыкІу (лые) ехын* «навредить, причинить вред» и т.д.).

Эпические фразеологические единицы являются важнейшим средством создания эпического хронотопа (условного времени-пространства), трансляции культурной памяти, кодификации этнических норм и ценностей «адыгагъэ» (адыгства), воздействия на аудиторию (воспитание идеалов мужества, чести). Исходя из того, что эпос «Нарты» относится к периоду древности, бесспорна и мысль о древности возникновения эпических фразеологизмов в текстах эпоса. Исследование всех вариантов нартских сказаний показывает наличие древних лексико-семантических вариантов слов и других элементов языковой архаики, предоставляющих возможность воссоздать исторический, этнографический, традиционный, социокультурный аспекты прошлого. В этом смысле особенно продуктивны эпические фразеологизмы, сохранившие древние элементы лексической и семантической архаики.

В фразеосфере адыгского эпоса отражаются характерные черты народа, его поведение, психология. Специфические черты поведения фиксируются в соответствующих фразеологических единицах. Уважение к старшим всегда занимало важное место в жизни адыгов. Отношение к ним выражено и закреплено с помощью образно-выразительных языковых средств. Примеры из нартского эпоса: *шъхъэкIафэ фэшIын* (букв. почет сделать кому-л.) «**почитать, уважать кого-л.**». *КъапэгъокIыхи рагъэблэгъагъэх, Хъудымыжъ гъукIэ лIыжъ цIэрыIоу ытытыти, шъхъэкIэфэшко къыфашиIыгъ, ыпшэджэ дащи, нарт Лъэпшъы къыгуагъэтIысхъагъ* [Нарты I т., 1968: 211]. «Их встретили и пригласили, старик Худымыж был известный кузнец, поэтому, **оказав уважение**, его провели вперед, посадив рядом с нартом Тлепшем»; *нахъыжъыгъо ехын* (букв. старшинству спуститься) «**отнестись с уважением, почтением к кому-л.**». – *Ихъау, Шэбартныкъу, тятэ дахэ епIуагъэмэ, нахъыжъыгъо епхыгъэмэ, ар ащ фэтиIагъ* [Нарты III т., 1970: 275]. «– Нет, Шэбатыныку, если ты **отнесся с уважением** к моему отцу, помог ему, то ты это сделал для него».

Одним из древних традиций разных народов, в том числе и адыгов, была кровная месть. Фразеологизм *ыль шIэжъын* (букв. кровь узнать) «**отомстить за кровь**» возник в древние времена, когда родственные связи были особенно сильными и важными. Если кто-то причинял вред или убивал близкого человека, члены семьи считали своим долгом отомстить за него. Это был вопрос чести и справедливости. В эпосе нами выявлены фразеологизмы, связанные с кровной мезтью, с выкупом за кровь кого-либо: *ыль шIэжъын* (букв. кровь узнать) «**отомстить за кровь**». – *О укъэхъоу лIы узыхъуджэрэ, уятэ ыль пшIэжъынэу сэри зызгъэпсэфынэу, а хысапэр фысиIагъ шъхъае, игъом унэсыеп!* [Нарты III т., 1970: 265]. «Я думала, что когда ты вырастешь и станешь мужественным, то **отомстишь** за отца, и я успокоюсь, но ты не дожил, безвременно скончался»; *лъэуасэ фэшIын* (букв. виру сделать) «**назначить выкуп за кровь кого-л.**». – *Сэ сыоукIыджэ лIы уукIыгъэ хъуна, сэ хъапсэм сыдзогъэсыджэ лIы дэгъэсыгъэ хъуна, Нартымэ лъэуасэ къысфашиIыни сащэфыжъыт* [Нарты I т., 1968: 147]. «– Убив меня, вряд ли получится, что ты убил мужчину; взяв под стражу, вряд ли получится, что ты посадил мужчину, а нарты за меня **дадут выкуп** и освободят».

Фразеологические единицы, связанные с родственными отношениями, занимают значительное место в адыгейском языке. Такие фразеологизмы помогают выразить близость, эмоции, они делают речь более выразительной и яркой.

Применительно к анализируемому фактическому материалу (тексты нартских сказаний), фразеологические единицы, как аргументировано В.Н. Телия, обладают культурно-национальной спецификой.

При наличии высокого национального самосознания стремление к идеалу *адыгагъэ* (адыгства), соединяющее в себе лучшие черты, присущие адыгам становится внутренней потребностью каждого человека. Это не только моральный идеал, это и специфическое выражение национального духа и внутреннего мира адыгов: *гум хъэрамыгъэ имылъын* (букв. в сердце скупости

не лежать) **«быть простодушным, добросердечным»**. *Нарт Нэсрэн акъылышлоу, цытхъу пылъэу, ыгу хъарамыгъэ имылъэу тхъамыклагъо къызэхъулэрэм дэлэпылэу нартмэ пацэ ялагъ* [Нарты IV т., 1970: 154]. «Нарт Нэсрэн был умным, добросердечным, помогал тем, кто попадал в беду, был вожаком нартов»; *ыгу ихыгъэн* (букв. сердце вынести) **«быть добродушным, искренним кому-л.»**. *Хъымыщ изакъоу зекло клотыгъэ нахъ мышлэми, ежъ ллэхъупхъэу гу ихыгъэу цытыти, адэклонэу ариуагъ* [Нарты IV т., 1970: 31]. «Хотя Хымыщ один ходил в поход, поскольку был смелым и добродушным, он сказал, что пойдет с ними» и т.д.

Понятие *емыкIу* (позор, позорный) выражает непристойное, позорное, неуместное в действиях, в поведении и в разговоре кого-либо. Фразеологизмы с лексемой *емыкIу* (позор, позорный) нами выявлены в текстах нартского эпоса: *емыкIу къэхъын* (букв. позор принести) **«осрамиться, опозориться кому-л.»**. *ЕмыкIу къысфэпхъэу укъысфэмыкложъ* [Нарты II т., 1969: 151]. «Опозорившись, не возвращайся ко мне»; *емыкIу хъун (къэхъын)* (букв. позором стать) **«опозориться, осрамиться кому-л.»**. *Непэ сэ сызыдэцытэр сымышлэнэр емыкIу хъун. Къаплъэрэм тыкыльэгъоу, ау цытэу тызыдэкIыджэрэ емыкIу сэ сыхъун, «шхъэубат» къысаIon* [Нарты III т., 1970: 275]. «Не зная, где мне сегодня нужно стоять, **будет позором**. Если мы так выйдем, и нас кто-то увидит, я **опозорюсь**, скажут невоспитанный». Подобные фразеологизмы, характеризуют неприемлемые поступки нормам адыгэ хабзэ.

В жизни адыгов прочное место занимает уважительное отношение друг к другу. Правильно воспитанный человек с раннего детства формирует в своем характере нравственное внимание к окружающим, на котором строится его ежедневная жизнь, поведение, стимулы, дающие желание и силы следовать нормам адыгэ хабзэ. Человека, обладающего *гулъытэ* (сообразительностью, догадливостью, чутьем), способностью предусмотреть или распознать переживания или состояние другого человека и по-доброму проявляющего готовность помочь, характеризуют некоторые фразеологизмы из нартского эпоса: *гу лъытэн* (букв. сердцу считать) **«заметить кого-что-л., обратить внимание на кого-что-л., догадаться о чем-л.»**. *Лъэпшъ зэрэмышхагъэм зыгорэ зэрэхэлъым иныси гу къылъытагъ* [Нарты I т., 1968: 228]. «В том, что Тлепш не поел, что что-то кроется, заметила и невестка»; *гулъытэр нэсын* (букв. сообразительности, догадливости прикоснуться) **«догадаться о чем-л., сообразить»**. *Сэтэнай-гуацэр цIыф Iушэу, Нарты шъыд цыхъуми-цышлэми игулъытэ лъылэсэу цытыгъ* [Нарты III т., 1970: 4]. «Сэтэнай-гуаца была умной, и она **догадывалась** обо всем, что происходило в Нартии».

В качестве ключевого для данного исследования уточнен термин «фразеосфера», понимаемый как совокупность всех фразеологических единиц языка, структурированная согласно системным связям и отношениям. Фразеосфера адыгейского языка представляет собой концентрированное отражение языковой картины мира этноса, кодируя в устойчивых образах его культурные константы, ментальные установки, традиции и исторический опыт. Таким образом, фразеосфера эпоса «Нарты» выступает не только как

лингвистический, но и как уникальный лингвокультурный и когнитивный ресурс, подлежащий дальнейшему системному анализу в последующих главах.

Введено и научно обосновано понятие «эпическая фразеология» адыгейского языка – это исторически сложившаяся подсистема адыгейской фразеологии, объективированная в языке нартского эпоса. Она представляет собой корпус устойчивых выражений с архаичной семантикой и структурой, выполняющих специфические жанрово-стилевые функции. Данный пласт национального языка является важнейшим источником для диахронической реконструкции древнейшего пласта языковой картины мира, сохраняя устаревшие языковые формы и модели.

Во второй главе «Структурно-грамматическая характеристика адыгейских фразеологических единиц в языке эпоса «Нарты»» осуществляется структурно-грамматический анализ фразеологических единиц эпоса «Нарты». Выявляются и систематизируются структурные модели фразеологических единиц, проводится их классификация по частеречной принадлежности (субстантивные, глагольные, адъективные, адverbиальные), анализируются морфосинтаксические связи компонентов внутри фразеологических единиц и их функционирование в синтаксисе эпического текста.

В субстантивных (именных) фразеологических единицах грамматическим центром является имя существительное. В качестве других именных компонентов выступают прилагательные, числительные, притяжательные частицы и субстантивированные слова. Все субстантивные фразеологизмы разделяются на двучленные: имя существительное + имя существительное: *шъуз гуцыI* (букв. слово женщины) «болтовня, сплетня»; *чъыем янэжъ* (букв. бабушка сна) «соня». В приведенных примерах первый компонент является грамматически зависимым словом.

Имя существительное + качественное прилагательное: *гуцыIэ мышыу* (букв. слово несоленое) «глупое слово, неуместное слово»; *цIыф макI* (букв. человека мало) «слабый, мягкий». В функции второго компонента двучленных субстантивных фразеологических единиц атрибутивного характера выступают и качественные прилагательные.

Имя существительное + причастие: *гум имыкIыжъ* (букв. не выходящий из сердца) «неизгладимый, незабываемый»; *шъхъэ зышIот* (букв. голова у кого имеется) «умный». В данной модели фразеологических единиц в качестве грамматически главного компонента выступает причастная форма, обладающая, как известно, признаками имени и глагола.

В адыгейском языке, как и в близкородственном кабардино-черкесском языке, причастия представляют собой глагольно-именную форму, которая обозначает действие и имеет категории лица, числа, времени и падежа. В компонентном составе фразеологизмов причастия не изменяются по лицам и временам.

Имя существительное + глагол: *нэпсыр къэкIон* (букв. слезе прийти) «прослезиться»; *къарыум къыхъын* (букв. силе принести) «справиться с чем-л., смочь что-л.»;

имя существительное + деепричастие: *ынэ кьаплъэзэ* (букв. его глаз смотря) «**видя**»; *нэр мыуцакоу* (букв. его глаз не моргая) «**нахально**», «**бесстыдно**».

Из приведенных моделей видно, что в двучленных субстантивных фразеологических единицах первым компонентом является имя существительное, вторым – существительное, качественное прилагательное, причастие, деепричастие, глагол.

Многочленные единицы:

1) имя существительное + имя существительное + глагол: *ыІэ (ыІанэ) дышъэр кьыпэтэкъу (кьыпэзы)* (букв. с его руки (пальца) золото сыпется) «**мастер на все руки**»; *гум жьалымагъэ фильын* (букв. в сердце жестокости лежать) «**затаить злобу на кого-л.**»;

2) имя прилагательное + имя существительное + глагол: *аужырэ гуыцІэр зэраІон* (букв. сказать друг другу последнее) «**разругаться в пух и прах**»;

3) имя существительное + наречие + глагол: *ыцІэ дахэкІэ еІон* (букв. его имя по-хорошему сказать) «**хвалить**»; *нэ ІаекІэ еплъын* (букв. глазом некрасиво посмотреть) «**гневно посмотреть**»;

4) имя существительное + деепричастие + глагол: *лъакъор зэтедзагъэу ицысын* (букв. ноги скрестив сидеть) «**ничего не делать, бездельничать**»; *чІыгур (чІыр) къэмыцтэу къэмыцтэн* (букв. земля, не испугавшись чего-л., не испугаться) «**проявить храбрость**»;

5) имя существительное + глагол + глагол: *уашъом дэкІоенышъ къехыжъын* (букв. на небо поднимется и спустится) «**дать слово**», «**клясться кому-л.**»; *ІэхъуамбэкІэ къэплъытэн плъэкІыцт* (букв. по пальцам посчитать можно) «**очень мало**».

Субстантивные фразеологические единицы с точки зрения синтаксических отношений между их компонентами подразделяются на атрибутивные и фразеологизмы сочиненного типа. Парные сочиненные именные фразеологические единицы: *жъи кІи* (букв. и старые и молодые) «**и стар и млад**», «**все**»; *ини цІыкІуи* (букв. и большие и маленькие) «**от мала до велика**»; *кІи шъхъи* (букв. ни хвоста ни головы) «**ни начала ни конца**». Как известно, сочинительная связь обладает равноправностью соединяемых слов-компонентов, то есть в таких фразеологизмах ни один из компонентов не является грамматически ведущим словом.

В данной модели сочетающиеся слова-компоненты объединяются при помощи союзов и союзных аффиксов: *нэри Іанэри (нІэпехы)* (букв. глаз и палец (забирает)) «**необыкновенно красивая**»; *екІи шІукІи* (букв. ни злом ни добром) «**ни при каких обстоятельствах**» и т.д.

В сложных субстантивных фразеологических единицах в качестве грамматически доминирующего слова выступают имя существительное, имя прилагательное и причастие.

Субстантивные фразеологические единицы нартского эпоса отличаются преобладанием структурных моделей с архаичными падежными формами и специфическими определительными конструкциями, отражающие

синтетические черты адыгейского языка на ранней стадии его развития (*натIэджэ фычIэплъын, натIэгъэ фычIэплъын – натIэкIэ фычIэплъын* «с недоверием посмотреть»; *нкIыхьынIэджэ ыльэгъугъэми ыгъэшIэгъон, нкIыхьынIэгъэ ыльэгъугъэми ыгъэшIэгъон – нкIыхьынIэкIэ ыльэгъугъэми ыгъэшIэгъон* «не надеяться»; *нкIыхьынIэджи ыгу къэмыкIын, нкIыхьынIэгъи ыгу къэмыкIын – нкIыхьынIэкIи ыгу къэмыкIын* «не подумать о чем-л.»).

Глагольные фразеологические единицы нартского эпоса характеризуются высокой частотностью полипредикативных структур (пословицы, поговорки, устойчивые сравнения) и специфической сочетаемостью глагольных компонентов с именными группами, формирующей идиоматичность.

Глагольные фразеологические единицы обладают меньшей по сравнению с глаголом грамматической гибкостью, например, большая часть глагольных фразеологизмов имеет склонность употребляться в форме одного времени, чаще всего в форме настоящего и будущего.

Глагольные фразеологические единицы подразделяются на двухкомпонентные и многокомпонентные.

Двухкомпонентные глагольные фразеологические единицы:

1) имя существительное определенное в форме именительного падежа + глагол: *гур иутын* (букв. сердце повалить) «**вымотать душу**», «**морально подавить**»; *шхъэр гъэузын* (букв. голове дать болеть) «**морочить голову**»;

2) имя существительное определенное в форме эргативного падежа + глагол: *гум екIун* (букв. сердцу подойти) «**принять близко к сердцу**»; *гушIуагъом зэлыштэн* (букв. радости распространиться) «**обрадоваться кому-л.**»;

3) имя существительное неопределенное в форме именительного падежа + глагол: *пIалъэ етын* (букв. срок дать) «**назначить срок, наметить срок кому-л.**»; *къин зэгъэлъэгъун* (букв. трудность дать видеть) «**приложить все усилия, приложить силы что-л. сделать**»;

4) имя существительное неопределенное в форме эргативного падежа + глагол: *гъогу етын* (букв. дорогу дать) «**не мешать кому-л. в чем-л.**»; *зукъанэ фыриIэн* (букв. огорчение иметь) «**обижаться на кого-л.**».

В адыгейском языке среди фразеологизмов представленная модель является самой большой группой. В двухкомпонентных глагольных фразеологизмах модели «существительное + глагол» грамматическим центром является глагол, а имя существительное – стержнем семантики фразеологизма.

Многокомпонентные глагольные фразеологические единицы:

1) имя существительное + имя существительное + глагол: *гушIэр ыжэ дэгъэзыхъажьын* (букв. слово в его рот загнать обратно) «**не дать сказать, не дать говорить**»; *имыжьо къуае хъужьын* (букв. его камню сыром стать) «**делам пойти хорошо**»;

2) имя существительное + глагол + глагол: *уашъом дэкIоенышъ къехыжьын* (букв. на небо подняться и спуститься) «**дать слово, клятвенно обещать**»; *IэхъуамбэкIэ къэплъытэн плъэкIышт* (букв. на пальцах сможешь посчитать) «**очень мало**»;

3) имя существительное + наречие + глагол: *Ізгум исэу кьехьакІын* (букв. сидя на ладони носить) «лелеять, изнежить кого-л.»; *гум ІэшІоу телъын* (букв. на сердце сладостью лежать) «с упоением думать, насладивительно размышлять»;

4) имя существительное + имя прилагательное + глагол: *гьунджэ наэм игьэплъэн* (букв. в зеркало кривое дать смотреть) «сбить с толку, ввести в заблуждение кого-л.»; *щэ цІынэр кьыІочьы* (букв. молоко сырое на губах стекает) «совсем ребенок»;

5) имя числительное + имя существительное + глагол: *зы чІыпІэ итын* (букв. на одном месте стоять) «не продвигаться вперед», «не развиваться»; *зы Іульхьэр зэфэгощын* (букв. один кусок разделить между собой) «иметь хорошие отношения» и т.д.

В адыгейском языке встречаются четырехкомпонентные и пятикомпонентные глагольные фразеологические единицы, но они очень малочисленны:

имя существительное + глагол + имя существительное + глагол: *укІытэр загощым щындым тесыгь* (букв. когда раздали стыд, сидел на осле) «цинник, наглец»; *ыгу зынэсырэм ыІэ нэсын* (букв. что его сердце достает, и рука достанет) «добиться чего-л. желаемого». В этих фразеологизмах по две глагольные формы и две – именные;

имя существительное + имя прилагательное + имя существительное + глагол: *лъэкъо лъэныкъор бэным дэтын* (букв. одной ногой в могиле стоять) «быть полуживым, быть при смерти кому-л.». В рассматриваемой модели глагольного фразеологизма приведенный пример состоит из четырех компонентов, из которых первые три, как правило, составляют различные именные формы;

имя существительное + глагол + имя числительное + имя существительное + глагол: *псйбл хэльми зы псэ кьыхэмынэн* (букв. если лежат даже семь душ, ни одного не оставить) «убить кого-л.».

В глагольно-именных фразеологизмах в качестве именного компонента выступают различные именные словоформы и субстантивированные слова.

Компаративные фразеологические единицы по своей структуре бывают двухкомпонентными (*пцІаишхьом фэдэу* (букв. словно ласточка) «красноречивый», «острослов»), трехкомпонентными (*хьамплъыжь ецэкъагъэм фэд* (букв. как будто ящерица укусила) «часто смеющийся», «смешливый») и многокомпонентными (*чІыр зэгози дэфэгъэм фэд* (букв. как сквозь землю провалился) «исчез»). Структурно-грамматическими особенностями всех типов компаративных фразеологизмов является наличие сравнительного союза *фэдэу* «как», «словно», «как будто». В основе компаративных фразеологических единиц лежит сравнение.

Адъективные фразеологические единицы представлены ограниченным набором структурных типов, преимущественно сравнительными оборотами и субстантивно-адъективными словосочетаниями с ярко выраженной оценочной семантикой.

В системе адвербиальных (наречных) фразеологизмов выделяются две группы: собственно адвербиальные фразеологические единицы и адвербиально-обстоятельственные фразеологические единицы. Собственно-адвербиальные фразеологические единицы по своей структуре в основном бывают двухкомпонентными (*сыдырэ лъэныкъокӀи* (букв. любой стороной) «**во всех отношениях**») и трехкомпонентными (*гъунэм нэсэу зэтегъэзын* (букв. до окраины разорить) «**вконец разорить**»). Большинство адвербиально-обстоятельственные фразеологизмов имеют двухкомпонентную структуру (*пэр дэгъэзыгъэу* (букв. задрав нос) «**воображая**»; *амал имыӀэу* (букв. возможность не имея) «**бесспорно, обязательно**»), но встречаются и многокомпонентные единицы (*ыпсэ пыт къодыеу* (букв. его душа едва имеется) «**изможденно, обессильно**»; *сыгу сыбгъэ ыӀозэ* (букв. говоря мое сердце моя грудь) «**с трудом, еле, едва**»).

Адвербиально-обстоятельственные фразеологические единицы представлены разными моделями, где в качестве компонентов фразеологизмов выступают существительное, деепричастие, прилагательное. Синтаксические отношения между компонентами данных единиц атрибутивные и сочинительные. Адвербиальные фразеологические единицы нартского эпоса функционируют как ключевые средства выражения обстоятельственных значений (образа действия, меры и степени, времени) и часто образуются на базе пространственных метафор, сохранных в современном языке.

В третьей главе «Семантическая характеристика адыгейских фразеологизмов в языке эпоса «Нарты»» выявляются и описываются парадигматические отношения в системе эпической фразеологии: синонимия, антонимия, омонимия и полисемия, а также исследуются явления варианности/модификации фразеологических единиц, обусловленные законами устной эпической традиции.

Мы придерживаемся мнения А.И. Молоткова в том, что «при определении фразеологической варианности необходимо делать упор на единство внутренней формы и образа, скрепляющего грамматическую структуру и состав компонентов фразеологизма. Другим условием является относительная тождественность синтаксической конструкции, в рамках которой происходит лексическая замена. Эти два признака являются определяющими, и за пределами их кончается варианность и начинается синонимия. Варьирование компонентов – одна из важных особенностей его формы, которая интенсивно подвергается изменениям. Такая вариационная возможность компонентов показывает, что компонент потерял свои признаки слова и может быть заменен вариантом без ущерба для содержания фразеологизма» [Молотков, 1977: 75].

Вариантность, способность выступать в разных модификациях, – это объективное свойство всех единиц языка и необходимое условие существования и функционирования языка. Варианты фразеологических единиц в адыгейском языке могут создаваться:

1) на фонематическом варьировании одного слова: *пкIыхьэкIи гум кьэмыкIын, пкIыхьыпIэкIи гум кьэмыкIын* (букв. и во сне в сердце не расти) «не приходит в голову», «не подумать даже о чем-л.»;

2) вследствие незначительной модификации фонетического вида одного из компонентов фразеологизма – фонетические фразеологические варианты: *гум рихьын* (букв. сердцем нести), *гум ыхьын* (букв. сердцу нести) «понравиться, прийти по душе кому-л.»;

3) морфологическими модификациями компонентов – морфологические фразеологические варианты: *акьылыр нэсын, акьылыр льынэсын* (букв. умом прийти) «додуматься», «постичь что-л. умом»;

4) различием лексемных компонентов, входящих в структуру фразеологизма, но не вносящих смысловые изменения – лексические фразеологические варианты, например, *ышъхьэ щигъэзыежъын* (букв. свою голову отклонить), *ышъхьэ Iуихыжъын* (букв. унести свою голову) «поспешно уходить кому-л.»;

5) синтаксические варианты фразеологических единиц могут быть результатом эллиптического опущения отдельных элементов: *тыгъужъ нэIыгъэм фэдэу – тыгъужъ нэIыгъэу* (букв. как голодный волк) «словно голодный», «свирепый, безжалостный».

Когда во фразеологической единице один из компонентов заменяется другим или же происходят изменения в структуре одного из компонентов, а эти изменения не образуют новое слово и не меняют смысловое значение фразеологизма, в таком случае можно говорить о появлении вариантов.

В «Фразеологический словарь адыгейского языка» (1980) Ю.А. Тхаркахо включены 1700 фразеологических единиц. Из них 270 фразеологических единиц, образующих вариантность; 910 фразеологизмов с соматическими компонентами, из числа которых 109 фразеологических единиц с соматизмами образуют варианты (См.: Диаграмма 1).

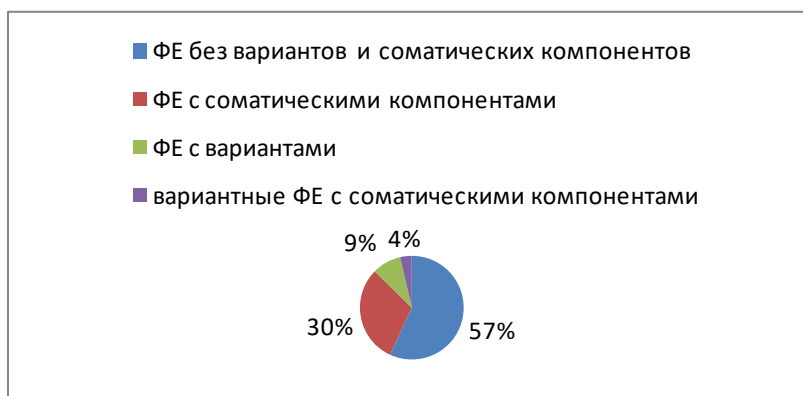

Диаграмма 1. Количественный анализ вариантности ФЕ в процентном соотношении

Системный характер вариантности адыгейских фразеологических единиц в эпосе детерминирован законами эпического стиля (формульность, ритм, аллитерация), что отличает ее от механизмов вариантности в современном

языке. Критерием различения варианта/модификации служит сохранение инварианта значения: лексические замены образуют варианты лишь при условии полной семантической и функционально-стилистической эквивалентности компонентов.

Вариантность фразеологических единиц с глагольным компонентом проявляется преимущественно в видовременных парадигмах и залоговых формах глагола, сохраняя инвариантность идиоматического значения. Способность глагольных фразеологических единиц к варьированию компонентов связана также с одним главным свойством фразеологизма – степенью семантической слитности и возможностью – невозможностью выведения значения фразеологической единицы из значения составляющих ее компонентов. Как правило, чем прочнее глагольный фразеологизм связан семантически, тем меньше вероятность возникновения на его базе вариантов, а чем слабее спаяны семантически компоненты фразеологизма, тем легче он может варьировать.

В качестве основного критерия для разграничения фразеологической синонимии и фразеологической вариантности является единство образа, которым характеризуются фразеологические варианты (*нэтIэгум итхагъ* – *натIэм итхагъ* (букв. на лбу написано) «суждено», «предначертано судьбой»). Фразеологической синонимии характерна разная образность и структура (*бжъэ пчIыгъэм фэд – бэдзэрым фэд* (букв. как рой пчел – как базар, рынок) «шумно»). Синонимия во фразеологической системе адыгейского языка, как и в других языках, оказывается возможной благодаря тому, что фразеологизмы могут быть эквивалентны как словам, так и другим фразеологическим единицам.

Фразеологизмы способны вступать в омонимичные отношения при условии, если утрачивается смысловая связь между значениями или развитие значений одной и той же фразеологической единицы опирается на разные по семантике слова. *Гум инэн* (букв. в сердце застрять). I. Щымыгъупшэхэн «не забывать, помнить о ком-чем-л.». – *Зэ ыгу зэрэхигъэкIыгъагъэр ыгу инагъэу илъ, щыгъупшэрэн*. «– Как один раз обидел ее, **помнит**, не может забыть».

Гум инэн (букв. в сердце застрять). II. Бгынэн, IэкIыбы шIын «оставить, покинуть кого-что-л.». *Егъэзыгъэ гумэкI къызыщыхъурэм зи гум ранагъэп ежъымэ альэкIытымджэ* [Нарты III т., 1970: 253]. «Когда возникали трудности, они никого **не оставляли** в беде, по мере возможности».

Классификация омонимичных фразеологизмов на полные (*дунаим къытехъан* (букв. в мир зайти), «родиться, увидеть свет» – *дунаим къытехъан* «появиться, бывать в обществе») и частичные (*ышIэцтыр ышIагъ* (букв. что сделал то сделал) «натворил делов» – *ышIэцтыр ышIагъ* «не по возрасту умный») производится в соответствии с количеством совпадающих грамматических форм компонентов. Однако, как известно, компоненты не всех фразеологизмов допускают такие изменения, многие фразеологизмы застыли в той или иной словоформе, и попытка изменить данную словоформу ведет к распаду фразеологической единицы как структурному, так и семантическому.

Полисемантичность фразеологической единицы – результат накопления значений в одной и той же фразеологической единице, вызываемый неоднократным ее переосмыслением, когда за основу берутся ее разные признаки. В адыгейском языке большинство полисемантичных фразеологизмов имеет два значения, но встречаются фразеологизмы с тремя и четырьмя значениями. **Хысан шIын** (букв. цель, намерение сделать). 1. Мурад, гухэлъ гъэуцун «**поставить цель, задачу**». 2. Гупшысэн, енгъуен «**думать, предполагать**». 3. Къэлъытэн, къидзэн «**рассчитать, прикинуть**». – *О укъэхъоу лIы узыхъуджэрэ, уятэ ылъ шIлэжъынэу сэри зызгъэпсэфынэу, а хысанэр фысилагъ, игъом унэсыен!* [Нарты III т., 1970: 265]. «– Я думала, что ты вырастешь и станешь мужественным, отомстишь за отца, и я успокоюсь, но ты не дожил, безвременно скончался». *Ежъ къылытыи сомэ миллионитIу къытыитэу хысан къышIыгъ.* «Он посчитал, **прикинул**, решил дать два миллиона». *Ежъ къызэрэлухъажъырэр зызэхехым кIэнкIэу ыкъутагъэхэр ишъужъыгъо имыфэу кIулажъыгъэу хысан ешIы* [Тхаркахо, 1980: 146]. «Он **предположил**, что, когда услышал близко шаги, бросился бежать, не успев доестъ разбитые яйца».

Полисемия фразеологических единиц в адыгейском языке является результатом метафорического и метонимического переосмысления, основанного на мифопоэтической картине мира.

Явление многозначности среди глагольных фразеологизмов менее распространено, чем среди лексем глаголов. Однако явление вариантности свойственно как однозначным фразеологизмам, так и многозначным. И в каждом отдельном значении варьируемые компоненты взаимозаменяемы, что является показателем тождества фразеологизма.

Антонимия фразеологизмов в адыгейском языке создается различными способами:

1) компоненты, которые и вне фразеологической единицы могут быть антонимами, свидетельствуют об антонимичности фразеологизма: **сыхъатмыгъо ежъэн** (букв. в недобрый час отправиться) «**быть несчастным**» – **сыхъатмафэ ежъэн** (букв. в добрый путь отправиться) «**быть счастливым**», «**посчасливиться**»;

2) фразеологические антонимические пары имеют разные лексические составы: **хьалэчэр хэгъэхъан** (букв. безобразию дать войти) «**покарать, наказать кого-л.**» – **нэшIу щыфэн** (букв. глазом добрым намазать) «**защитить, помирить кого-л.**»;

3) с помощью присоединения аффикса -мы- со значением отрицания к глаголу: **акъылым къыубытын (къыхьын)** (букв. уму поймать) «**понять**» – **акъылым къымыубытын (къымышьын)** (букв. уму не поймать) «**не понять**».

Семантически и структурно-грамматически фразеологизмы-антонимы в адыгейском языке образуются в основном заменой одного из компонентов на компонент с противоположным значением: **гур кIодын** (букв. сердцу пропасть) «**упасть духом, отчаяться кому-л.**» – **гур къэзэрэшIэжъын** (букв. сердцу себя узнать) «**воспрянуть духом кому-л.**», «**опомниться, прийти в себя**».

Антонимия фразеологических единиц в эпосе структурно симметрична и реализует бинарные оппозиции, отражающие этическую картину мира нартов (добро/зло, храбрость/трусость, мудрость/глупость, жизнь/смерть).

Большинство адыгейских фразеологических единиц непереводимо буквально и требует поиска функционального аналога в языке перевода. Буквальный (пословный) перевод оправдан лишь в целях лингвистического комментария для реконструкции внутренней формы или этимологии.

В четвертой главе «Адыгейская фразеосфера в эпосе «Нарты»: специфика языковой концептуализации» исследуется фразеологическая репрезентация ключевых концептов адыгейской языковой картины мира *ЛЫГЪЭ* «МУЖЕСТВО», *АКЪЫЛ* «УМ», *ПСЭ* «ДУША», *ЩЫПЭНЫГЪ* «ЖИЗНЬ» – *ЛІЭНЫГЪ* «СМЕРТЬ», *ГУШУАГЪУ* «РАДОСТЬ», *ГУБЖ* «ГНЕВ», *ЧЭФЫНЧЪАГЪ* «ГРУСТЬ», *НЭШХЪЭИГЪ* «ПЕЧАЛЬ», *ЩТЭ* «СТРАХ, ИСПУГ» в эпосе «Нарты».

Адыгейская фразеологическая система служит важнейшим источником для реконструкции этнической специфики адыгской языковой картины мира. Базовые концепты адыгской лингвокультуры структурируются через устойчивые парадигмы. Концепт *ЛЫГЪЭ* «МУЖЕСТВО» формирует разветвленную фразеологическую парадигму, кодирующую комплекс этико-физических доблестей в рамках «адыгагъэ». В адыгском героическом эпосе «Нарты» нами выявлено около 30 фразеологических единиц, отражающих мужество, храбрость, силу. Например: *ллыгъэ илэн* (букв. мужество иметь) «**быть мужественным кому-л.**», *ллыгъэ къыхэфэн* (букв. мужество попадетсЯ) «**проявить мужество кому-л.**», *ллыгъэр гъэунэфын* (букв. мужество определить) «**испытать мужество кого-л.**», *ллыгъэ зехъан* (букв. мужество носить) «**совершить мужество кому-л., проявить мужество кому-л.**» и т.д.), 7 фразеологических единиц, отражающих мужество, включены в словарь фразеологизмов адыгейского языка.

Фразеологические единицы с компонентом *акъыл* (ум) структурируют концептуальные поля ментальных характеристик (*ІУШЫГЪ* «МУДРОСТЬ», *АКЪЫЛЫНЧЪАГЪ* «ГЛУПОСТЬ»). В адыгейском языке нами выявлено 23 фразеологические единицы с компонентом *акъыл* (ум), из которых 17 единиц даны в словаре фразеологизмов адыгейского языка. Выявленные единицы можно представить двумя фразеологическими концептуальными полями: 1). *ІУШЫГЪ* «МУДРОСТЬ»: *акъыл зиІ* (букв. имеющий ум) «**умный, разумный, рассудительный**», *акъыл хэлъэу* (букв. уму находясь) «**подойти с умом, с разумом**», *акъылыр къэкІон* (букв. уму прийти) «**стать умнее, разумнее**» и т.д.; 2). *АКЪЫЛЫНЧЪАГЪ* «ГЛУПОСТЬ»: *акъыл кІаку* (букв. ум короткий) «**недалекий умом**», *акъыл ныкъу* (букв. половина ума) «**не умный, не рассудительный**», *акъылым щихын (щыкІэн)* (букв. ума не хватать) «**выжить из ума, тронуться умом**» и т.д. Значительный массив фразеологических единиц эпоса репрезентирует внутренний мир человека через характеристики интеллектуальных способностей и черт характера, образуя разветвленную антропоцентрическую парадигму.

Фразеологические единицы с компонентом *псэ* (жизнь, душа) составляют ядро репрезентации эмоционально-психической сферы, выражают жизнь, одушевленность, отношение субъекта к объекту, смерть, страх и т.д. В контексте они могут быть взаимозаменяемыми, синонимичными, так как прямо и непосредственно соотносятся с миром чувств, с эмоциональной жизнью человека. В адыгейском языке нами выявлено около 50 фразеологических единиц с компонентом *псэ* (жизнь, душа), из них в словарь фразеологизмов адыгейского языка включены 39 единиц: *псэм рыджэгуужьын* (букв. жизнью, душой играть) «испытывать муки», «страдать, терзаться», *псэр гъэлылэын (тын)* (букв. жизнь, душу положить (дать)) «погибнуть», «отдать жизнь» и т.д. В ходе анализа дополнительных источников нами выявлены и иные фразеологизмы с компонентом *псэ* (жизнь, душа): *псэкIэ зэхэшIэн* (букв. душой понять) «почувствовать что-л. всей душой», *псэр дэхьыхын* (букв. жизнь, душу унести в сторону) «очаровать, приворожить кого-л.», *псэр кIэрышIэн (кIэрыпкIэн)* (букв. жизнь, душу привязать (жизни, душе прилипнуть)) «трепетно относиться», *псэ хэлэын* (букв. жизни, душе лежать, находиться) «с большой любовью», *псэм хэчыжьын* (букв. из жизни, души вырвать) «отдать кого-что-л.» и т.д.

Концептуальная оппозиция *ЩЫПЭНЫГЪ* «ЖИЗНЬ» – *ЛIЭНЫГЪ* «СМЕРТЬ» вербализована через фразеологические единицы, отражающие эпическое восприятие судьбы, героической гибели и сакрализации посмертной славы. Фразеосфера эпоса обладает ярко выраженной оценочностью, реализующейся через бинарную оппозицию позитивной/негативной оценки, что отражает этическую дихотомию *шIу/е* (добро/зло) как системообразующий принцип. Анализ оппозиционных фразеологических концептов *ЩЫПЭНЫГЪ* «ЖИЗНЬ» и *ЛIЭНЫГЪ* «СМЕРТЬ» в языковой культуре адыгского народа показал, что наиболее часто *щыIэн* (жить) предстает в сознании людей, как «появление на свет», «пребывание на белом свете», а *лIэн* (умереть), как «расставание души с телом после смерти», «переход из одного физического состояния в другое», «конец жизни». Данные смыслы понятий *щыIэн* (жить, находиться) и *лIэн* (умереть) являются общечеловеческими и общекультурными, так как эти представления о *щыIэныгъ* (жизнь) и *лIэныгъ* (смерть) присущи как адыгскому народу, так и другим народам. Анализ материала позволил нам выделить в адыгском нартском эпосе семантические группы фразеологических единиц, выражающих разные виды смерти человека: 1) преждевременная смерть: *зэуапсэ хъун* (букв. скоропостижно стать) «скоропостижно, внезапно умереть», *къозэу ишэын* «скоропостижно скончаться»; 2) насильственная смерть: *ыпсэ Iухын* (букв. жизнь убрать) «убить, лишить жизни», *ышэхъэ шIохын* (букв. голову снять) «убить»; 3) естественная смерть: *дунаим ехыжьын* (букв. спуститься из этого мира) «умереть, скончаться кому-л.», *гъашиIэр ухын* (букв. жизнь закончить) «умереть, скончаться кому-л.», 4) смерть в сражении: *псэр тын (гъэтылэын)* (букв. душу дать (положить)) «отдать жизнь, погибнуть кому-л.» и т.д. Фразеологические единицы в значении *щыIэн* (жить) употребляются в основном: 1) со значением «родиться» *дунаим къытехъон* (букв. в мире

появиться); 2) со значением «жить» *дунэ нэфым тетын* (букв. стоять на этом свете); 3) со значением «родить» *щыІэныгъэ етын* (букв. жизнь дать) и т.д.

Фразеологическая репрезентация эмоций характеризуется доминированием этической оценки над психологическим описанием, с асимметричной детализацией негативных эмоциональных состояний. Эмотивные фразеологические единицы имеют свои особенности, обладают образностью, многозначностью, самостоятельностью в употреблении, что способствует выявлению наличия положительной или отрицательной оценки. Выявленные нами эмоциональные концепты в нартском эпосе, представлены двумя семантическими группами: 1) с положительной оценочной семантикой (концепт *ГУШУАГЪУ* «РАДОСТЬ»); 2) с отрицательной оценочной семантикой (концепты *ГУБЖ* «ГНЕВ», *ЧЭФЫНЧЪАГЪ* «ГРУСТЬ», *НЭШХЪЭИГЪ* «ПЕЧАЛЬ», *ЩТЭ* «СТРАХ, ИСПУГ»).

Концепт *ГУШУАГЪУ* «РАДОСТЬ» – это ментальное состояние, определяющееся ощущением счастья, удовлетворения, благополучия. Он относится к фундаментальным эмоциям, представлен фразеологизмами с положительной оценочной семантикой. Семантическое поле концепта *ГУШУАГЪУ* «РАДОСТЬ» представлено 18 номинантами: посредством слов *гушІуагъу*, *гушІуаф* (радость), *гушІоу*, *нэшІо-гушІоу* (радостно), *гушІон*, *гушІонсын* (радоваться), *гушІо* (восторг), *щыгушІукІын* (радоваться, любоваться), *дэгушІон* (радоваться вместе) и синонимичных слов: *гухахъу*, *хъяр*, *хъярыгъу* (радость), *чэфы* (радостный), *чэфыгъу* (веселье, радость) и словосочетаний *къэбар гушІуагъу* (радостная весть, радостное известие), *гушІуагъо зыхэмыль* (Іоф, къэбар) (безрадостный), *гушІом къыхэкІэу*, *гушІом хэтэу* (на радостях). Необходимо учитывать сочетаемость слов, составляющих лексико-семантическое поле эмоционального концепта *ГУШУАГЪУ* «РАДОСТЬ» в адыгейском языке. Слово *гушІуагъу* (радость) сочетается с глаголами *зэрихъан* (носить), *зэлышитэн* (охватить), *ыІыгъын* (держать), *къечъэн*, *къекІун* (прийти), *зэлыгъэнэфын* (сиять), *къэкІон*, *къэсын* (наступить), *хэтын* (находиться), *зэрилъэсэн* (летать). Примеры из эпоса: *гушІуагъом зэрихъан* (букв. радость носить) «сиять от радости, очень радоваться кому-л.», *гушІуагъом хэтын* (букв. в радости стоять) «радоваться кому-л.» и т.д.

Концепт *ГУБЖ* «ГНЕВ» характеризует рассерженное, разъяренное состояние человека, выражающееся недовольством, возмущением и являющееся причиной дальнейших действий кого-либо. В адыгейском языке он вербализуется посредством слов, словосочетаний, фразеологизмов. Семантическое поле концепта *ГУБЖ* «ГНЕВ» представлено 11 номинантами: посредством слов *губж* (гнев), *губжын*, *губжыгъээн* (разгневаться, рассердиться), *губжыгъ* (сердитый, гневный, злой), *губжытэн* (рассвирепеть), синонимичных слов *зэкІэнэн*, *зэкІэблэн* (разгневаться, рассердиться), *гъэупэрэцыгъ* (сердитый, злой) и словосочетаний *губжым хэтэу* (находясь в гневе) и т.д. Важно учитывать сочетаемость слов, составляющих лексико-семантическое поле эмоционального концепта *ГУБЖ* «ГНЕВ» в адыгейском языке. Слово *губж* (гнев) сочетается с глаголами *енэкъокъун* (бороться), *Іыгъын*, *Іэжэн* (сдержать), *къызэкІэнэн* (вспыхнуть), *кІосэн* (остыть), *зэхэшІэн*

(чувствовать), *текIын* (утихнуть), *зэкIэблэн* (пылать). Фразеологизмы из нартского эпоса, выражающие состояние *губж* (гнев): *гур кьижэжъыкIын* (букв. сердцу жариться) «**кипеть от гнева, злиться**», *машIор IуустхъукIын* (букв. огню искриться) «**сердиться, злиться кому-л.**» и т.д.

Концепты *ЧЭФЫНЧЪАГЪ* «ГРУСТЬ», *НЭШХЪЭИГЪ* «ПЕЧАЛЬ» – это ментальные состояния, которые определяются ощущением разочарования, печали, уныния. Семантическое поле для этих концептов в адыгском языковом сознании представлено 10 номинантами: посредством слов *чэфынчъагъ*, *нэшхъэигъ*, *чэфынчъэныгъ*, *нэшхъэиныгъ* (грусть, печаль), *чэфынчъ*, *нэшхъэй* (грустный, печальный), *чэфынчъэу*, *нэшхъэеу* (грустно, печально), *чэфынчъэн*, *нэшхъэин* (грустить, печалиться) и словосочетаний *чэфынчъэ хъун*, *нэшхъэи хъун* (грустить, печалиться). Важно определить сочетаемость слов, составляющих лексико-семантическое поле эмоциональных концептов *ЧЭФЫНЧЪАГЪ* «ГРУСТЬ», *НЭШХЪЭИГЪ* «ПЕЧАЛЬ» с глаголами *къэхъун* (возникнуть), (родиться), *къытехъан* (прийти), *хъун* (стать), *шIын* (сделать). Фразеологизмы из нартского эпоса, выражающие состояние *чэфынчъагъ*, *нэшхъэигъ* (грусть, печаль): *нэшхъэи къэхъун* (букв. грусти родиться) «**впадать в грусть кому-л.**», «**прийти в уныние**» и т.д.

Концепт *ЩТЭ* «СТРАХ, ИСПУГ» представлен фразеологизмами, номинирующими эмоцию *щтэ* (страх, испуг), возникающую из-за ощущения угрозы или опасности жизни человека. В языковом структурировании данной эмоции ведущая роль принадлежит концептам *ГУ* «СЕРДЦЕ» и *ПСЭ* «ДУША». Концепт *ЩТЭ* «СТРАХ, ИСПУГ» вербализуется через фразеологизмы. Семантическое поле для концепта *ЩТЭ* «СТРАХ, ИСПУГ» в адыгском языковом сознании представлено 14 номинантами: посредством слов *щтэ*, *щынэ* (страх, испуг), *щынэн* (бояться, пугаться, трусить), *щтэн* (испугаться), *щтагъо*, *щынагъо* (опасность, угроза), *щтапх*, *щынапх* (пугливый), *щтэжъын* (перепугаться), *щтэуIул* (пугливый, трусливый) и словосочетаний *щтэм хэтэу* (находясь в страхе), *щтэ ымышIэу* (не зная страха), *щтэм къыхэкIэу* (от страха, в порыве страха). Важно учитывать сочетаемость слов, составляющих лексико-семантическое поле эмоционального концепта *ЩТЭ* «СТРАХ, ИСПУГ» с глаголами *ымышIэн* (не знать), *хэтын* (находиться), *къытекIон* (победить), *текIон* (преодолеть), *зэкIэуIулэн* (сковать), *зэльиштэн* (охватить), *зэльикIун* (овладеть). Фразеологизмы с семантикой *щтэ* (страх, испуг), выявленные из нартского эпоса: *гур изын* (букв. сердцу выпасть) «**испугаться, содрогнуться кому-л.**», *псэр Iуихын (Iуигъэзын)* (букв. душу выронить) «**испугать кого-л.**» и т.д.

Глава пятая «Фразеологизмы с соматическими и зоонимическими компонентами в нартском эпосе как отражение культурного кода адыгов» посвящена изучению роли соматических и зоонимических фразеологизмов в реконструкции лингвокультурных кодов в адыгейской языковой картине мира. Детально анализируются фразеологические единицы с компонентами-соматизмами *гу* (сердце), *шъхъэ* (голова), *нэ* (глаз), репрезентирующие внутреннее состояние и характеристики человека, а также выявляется этнокультурная специфика зоонимических фразеологизмов.

Соматизмы, относящиеся к древнейшему разряду лексики, участвуют в образовании большинства фразеологических единиц, обладающих большой частотностью употребления. По результатам наших исследований 48 соматизмов участвуют в образовании фразеологизмов в адыгейском языке, характеризующих разные виды деятельности человека, его состояние, отношение с окружающим миром, отношения между людьми. Приведем перечень названий частей тела человека с указанием, сколько фразеологических единиц образовано с каждым из них: *гу* (сердце) (258), *шъхъэ* (голова) (77), *нэ* (глаз) (83), *жэ*, *Іу* (рот) (28), *нэгу*, *напэ* (лицо) (28), *Іэ* (рука) (23), *шъо* (кожа) (20), *пишъэ* (шея) (14), *тхъакІум* (ухо) (13), *лъакъо*, *лъапэ* (нога) (12), *пэ* (нос) (11), *лъы* (кровь) (8), *цэ* (зуб) (7), *напиІэ* (надбровная дуга) (4), *ныбэ* (живот) (4), *кІыб* (спина) (3), *лъэгу* (ступня) (3), *Іапэ* (кончик пальца) (3), *куцІы* (мозг) (3), *напІэ* (веко) (3), *пакІэ* (усы) (2), *шъхъацы* (волосы) (2) и т.д. (См.: Диаграмма 2).

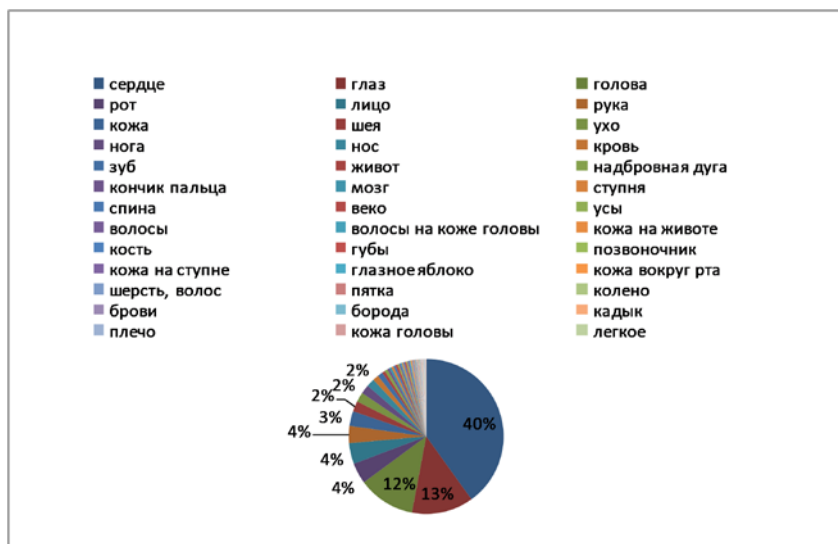

Диаграмма 2. Количественный анализ СФЕ из словаря фразеологизмов в процентном соотношении

Наиболее высоким фразеобразовательным потенциалом и частотностью употребления в адыгейском языке характеризуются соматические компоненты *гу* (сердце) (258), *нэ* (глаз) (83), *шъхъэ* (голова) (77), *жэ* (рот) (28), *нэгу* (лицо) (28), *Іэ* (рука) (23), *шъо* (кожа) (20), *тхъакІум* (ухо) (13). (См.: Диаграмма 3).

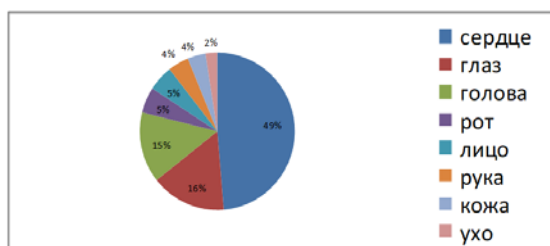

Диаграмма 3. Статистический анализ фразеобразовательности и частотности в процентном соотношении

«Фразеологический словарь адыгейского языка» (1980) Ю.А. Тхаркахо содержит 1700 фразеологических единиц, из которых 910 единиц с компонентом-соматизмом: 258 – с компонентом-соматизмом *гу* (сердце), 83 – с компонентом-соматизмом *нэ* (глаз), 77 – с компонентом-соматизмом *шъхъэ* (голова). При анализе вышеназванного словаря установлено, что не все существующие в языке и речи фразеологизмы включены в него.

В ходе исследования нами выявлено более 30 фразеологизмов с соматизмом *гу* (сердце), существующих в языке и не включенных в фразеологический словарь: *гур жъужьын* (букв. сердцу растаять) «успокоиться кому-л.», *гукIэ убытын* (букв. сердцем взять) «принять сердцем, принять душой кого-что-л.», *гум из шIын* (букв. сердце полным сделать), «сделать счастливым, радостным кого-л.», «сделать довольным кого-л.» и т.д.;

20 фразеологических единиц с соматизмом *нэ* «глаз», употребляющиеся в речи адыгов, функционирующие в текстах, не включены в словарь фразеологизмов: *нэр унIыцIагъэу* (букв. с закрытыми глазами) «с легкостью»; *нэр къэгъэлъэн* (букв. глазу дать смотреть) «открыть глаза кому-л.»; *нэхэр ичэрэгъухъаных* (букв. глазам крутиться) «быть в недоумении» и т.д.;

20 фразеологизмов с компонентом *шъхъэ* (голова), функционирующие в языке и речи, не включены в фразеологический словарь: *шъхъэм икIыжъын* (букв. из головы выйти) «ускользнуть из памяти, вылететь из головы», «забыть о ком-чем-л.», *шъхъэр нэкIын* (букв. голове быть пустым) «быть легкомысленным, несерьезным кому-л.», *шъхъэр къыпылэлъын* (букв. голове свисать) «понуристь голову, приуныть» и т.д.

В результате исследования текстов адыгского эпоса «Нарты» нами выявлено более 600 фразеологических единиц, встречающихся в разных текстах около 3000 раз, из них 176 единиц – это фразеологизмы с соматическими компонентами. Число названий частей тела, являющихся опорными словами во фразеологических единицах, составляет 18 единиц.

Приведем перечень названий с указанием количества фразеологических единиц, образованных с каждым из встречающихся компонентов: *гу* (сердце) (100), *шъхъэ* (голова) (30), *нэ* (глаз) (10), *шъо* (кожа) (7), *лъы* (кровь) (4), *пиъэ* (шея) (4), *лъэ* (нога) (3), *ныбэ* (живот) (3), *Иэ* (рука) (3), *тхъакIум* (ухо) (2), *жэ* (рот) (2), *лы* (мясо) (2), *тхыцIэ* (спина) (1), *Iапэ* (палец) (1), *Iапишъэ* (запястье) (1), *IутишIэ* (губа) (1), *цэлышъхъ* (десна) (1), *напIэ* (веко) (1). (См.: Диаграмма 4).

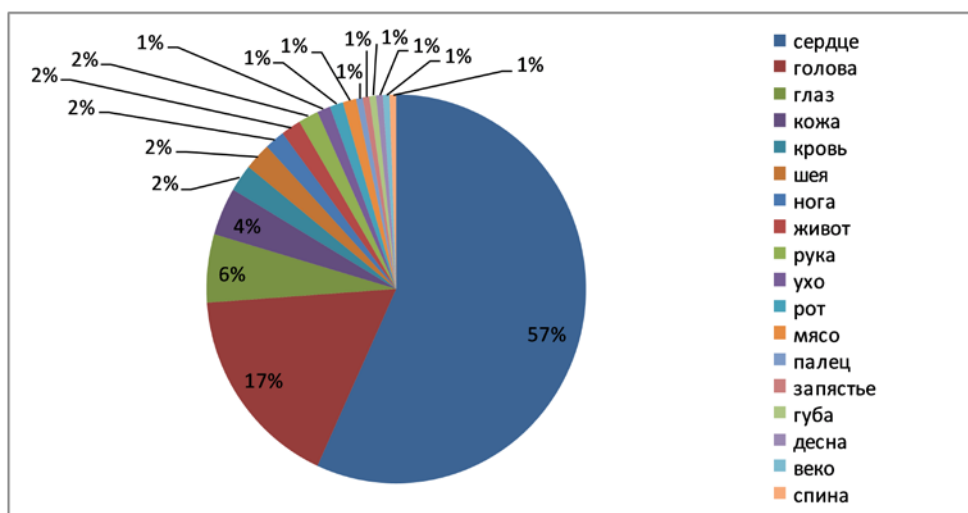

Диаграмма 4. Количественный анализ ФЕ с компонентом-соматизмом из эпоса в процентном соотношении

Соматическая фразеология представляет собой архаичный и продуктивный пласт адыгейской фразеосистемы. Употребление соматизмов в качестве ключевых компонентов фразеологических единиц детерминировано комплексом экстра- и интралингвистических факторов.

Соматические фразеологизмы выполняют функцию культурного кода, обладая ярко выраженной этнокультурной спецификой. Через них аккумулируются и транслируются ключевые черты национального характера, такие как искренность, доброта, мужество, сострадание и ранимость, формируя этнически маркированную модель адыгской личности.

В нартском эпосе выявлены и классифицированы фразеологические единицы с компонентами-соматизмами *гу* (сердце), *шъхъэ* (голова) и *нэ* (глаз), образующие концептуальное ядро фразеологической картины мира. Соматические фразеологизмы с лексемой *гу* (сердце) репрезентируют эмоционально-нравственную сферу, выступая символом средоточия чувств, доброты, совести и чести. Соматические фразеологизмы с лексемой *шъхъэ* (голова) кодируют интеллектуальные способности, олицетворяя ум и рассудительность как безусловную ценность. Соматические фразеологизмы с лексемой *нэ* (глаз) отражают эмоциональное состояние, и служат выразителем внутреннего мира человека, демонстрируя функциональную и структурную близость с концептом «ГУ» (СЕРДЦЕ). Символические функции соматизмов в мифопоэтической картине мира универсальны: части тела выступают в качестве эталонных носителей физических, интеллектуальных и духовных качеств, репрезентируя коллективный опыт и особенности национального сознания.

Установлены основные структурно-семантические механизмы функционирования соматических фразеологических единиц в эпосе: амплификация значения за счет введения интенсифицирующих компонентов; редукция структуры при сохранении семантического инварианта; сохранение исходной структуры и значения фразеологизма.

подавляющее большинство рассмотренных соматических фразеологизмов сохраняет высокую степень актуальности, активно

функционируя как в языке эпоса, так и в современной разговорной и литературной речи, что свидетельствует об устойчивости данного пласта в языковом сознании адыгов.

Фразеологические единицы с зоокомпонентами в эпосе «Нарты» образуют сложную семиотическую систему, являющуюся ценным источником для реконструкции архаичных пластов адыгской языковой картины мира и этнического мировоззрения. Зооморфная фразеология представляет собой важный компонент языковой картины мира адыгов, выполняющий аксиологическую и культурно-кодирующую функции. Через призму зоонимов осуществляется оценка человеческих качеств и социальных отношений, что отражает этнические стереотипы восприятия.

Структурно-семантической доминантой зооморфной фразеологии являются компаративные конструкции со сравнительным союзом *фэд(эу)* (как, словно, как будто), составляющие ядро данного пласта. Данные конструкции основаны на операции сравнения и служат для образной характеристики человека через анималистические образы. Например, *тыгъужь нэктыгъэм фэдэу* (букв. как голодный волк) «**свирепый, безжалостный**» выражает значение с отрицательным оттенком, раскрывает сущность хищника – его опасность и жестокость; *бгъэжъым фэдэу* (букв. орел словно) «**сильный**» характеризует положительный образ сильного и ловкого человека и т.д.

Семантика зоонимов в эпосе характеризуется амбивалентностью, где одно животное может репрезентировать как положительные, так и отрицательные качества. Выявлены модели образования и функционирования зоонимических фразеологических единиц: использование компаративных конструкций для создания образности, инвективных фразеологических единиц с компонентом *хьэ* (собака) для выражения негативной оценки, а также широкий контекстуальный диапазон – от описания внешности и характера человека до передачи ключевых сюжетных коллизий.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшей работы.

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу: адыгейская фразеологическая система эпоса «Нарты» представляет собой не совокупность разрозненных выражений, а целостную, структурно организованную подсистему – эпическую фразеологию адыгейского языка, выступающую особым лингвокультурным кодом. Установлено, что структурно-семантические и функциональные свойства фразеологических единиц детерминированы архетипическими представлениями и этнокультурным сознанием адыгского этноса. Комплексный анализ данной системы позволил не только описать ее внутреннюю организацию, но и реконструировать ключевые фрагменты архаичной адыгейской языковой картины мира.

Перспективы дальнейших исследований видятся в развитии следующих направлений:

Сравнительно-сопоставительное изучение эпической фразеологии эпоса «Нарты» в других языках народов Кавказа (абхазском, осетинском, карачаево-балкарском) с целью выявления общекавказских универсалий и этноспецифических черт в механизмах фразеобразования и культурного кодирования.

Исследование влияния эпической фразеологии на становление и развитие современного адыгейского литературного языка, выявление и описание механизмов актуализации архаичных фразеологических единиц в современных художественно-литературных текстах.

Применение методов корпусной и цифровой лингвистики для создания цифрованного корпуса текстов эпоса «Нарты» с возможностью сложного поиска и анализа всех вариантов фразеологической единицы, что откроет новые возможности для точных количественных и качественных исследований.

Основные положения и научные результаты исследования получили отражение в следующих публикациях:

Монографии и словари:

1. Тугуз Г.Т. Фразеологизмы в адыгском нартском эпосе / Г.Т. Тугуз. – Майкоп: изд. Магарин О.Г., 2026. – 235 с.

2. Тугуз Г.Т. Толковый фразеологический словарь адыгейского языка (на материале адыгского нартского эпоса). – Майкоп: Магарин О.Г. – 2026. – 135 с.

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендуемых ВАК РФ:

3. Тугуз Г.Т. О некоторых соматических фразеологических единицах в адыгском нартском эпосе / Г.Т. Тугуз // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Выпуск 4 (187). – Майкоп, 2016. – С. 130–135.

4. Тугуз Г.Т. Соматические фразеологизмы с компонентами «глаз», «рот», «лицо» в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». Т. 11. №4. – Махачкала, 2017. – С. 82–86.

5. Тугуз Г.Т. О некоторых теологических терминах во фразеологических единицах в адыгском эпосе «Нарты» / И.А. Дибиров, Г.Т. Тугуз // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». Т. 11. №4. – Махачкала, 2017. – С. 43–47 (0,8 п.л. – авт. 0,6 п.л.)

6. Тугуз Г.Т. О соотношении слов и фразеологизмов в адыгейском языке. Адыгабзэм хэт гушчыІэхэмрэ фразеологизмэхэмрэ язэфыштыкІ / Г.Т. Тугуз // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Выпуск 2 (197). – Майкоп, 2017. – С. 126–130.

7. Тугуз Г.Т. Фразеологизмы как способ выражения языковой личности автора художественного текста (на материале романа Т.М. Керашева «Насыпым игъогу» («Дорога к счастью»)) / Г.Т. Тугуз // Филологические науки.

Вопросы теории и практики. №10 (88). Часть 1. – Тамбов: Грамота, 2018. – С. 178–182.

8. Тугуз Г.Т. О фразеологических единицах с соматическими компонентами, выражающими состояние человека в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Выпуск 1 (212). – Майкоп, 2018. – С. 105–110.

9. Тугуз Г.Т. Фразеологические единицы в речи детей-билингвов / Г.Т. Тугуз // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». Т. 12. №3. – Махачкала, 2018. – С. 94–97.

10. Тугуз Г.Т. О фразеологизмах, выражающих взаимоотношения людей в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз, И.А. Дибиров // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». Т. 12. №3. – Махачкала, 2018. – С. 98–101 (0,7 п.л. – авт. 0,4 п.л.).

11. Тугуз Г.Т. Семантическое пространство фразеологизмов с компонентом *лѡакъо* «нога» в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2018. – № 5(72). – С. 522–524.

12. Тугуз Г.Т. Лексема-соматизм *тхъакIум* «ухо» во фразеологизмах в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2018. – № 3(70). – С. 500–501.

13. Тугуз Г.Т. Фразеологическая синонимия как важное стилистическое средство языка адыгейских сказок / Г.Т. Тугуз // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». Т. 12. №1. – Махачкала, 2018. – С. 70–73.

14. Тугуз Г.Т. Богатство адыгского эпоса фразеологизмами / Г.Т. Тугуз // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2018. – № 4(71). – С. 557–559.

15. Тугуз Г.Т. Явление варьирования соматических фразеологических единиц в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т.12. Выпуск 11. – Тамбов: Грамота, 2019. – С. 244–248.

16. Тугуз Г.Т. Вариантность фразеологических единиц с глагольным компонентом в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т.12. Выпуск 3. – Тамбов: Грамота, 2019. – С. 253–257.

17. Тугуз Г.Т. Фразеологизмы, отражающие жизнь и смерть человека в адыгейском языке (на материале адыгского эпоса «Нарты») / Г.Т. Тугуз // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2019 – № 3(76). – С. 518–520.

18. Тугуз Г.Т. Фразеологизмы, выражающие положительные эмоции в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». Т. 14. №1-2. – Махачкала, 2020. – С. 113–117.

19. Тугуз Г.Т. Лексема-соматизм *нэ* (нос) во фразеологизмах в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Известия Дагестанского государственного

педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». Т. 14. №3–4. – Махачкала, 2020. – С. 89–93.

20. Тугуз Г.Т. Лексема *акъыл* «ум» во фразеологизмах в адыгском эпосе «Нарты» / Г.Т. Тугуз // Электронное издание серия «Эпосоведение» научного рецензируемого журнала «Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова». – 2022. – № 1(25). – С. 68–78.

21. Тугуз Г.Т. Семантические особенности фразеологических единиц с компонентом *Іэ* (рука) в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз, И.А. Дибиров, М.М. Биданок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т.18. Выпуск 1. – Тамбов: Грамота, 2025. – С. 353–358. (0,8 п.л. – авт. 0,4 п.л.). **К1**.

22. Тугуз Г.Т. ФЕ с лексемой *псэ* «душа» в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз, И.А. Дибиров // Международный научный журнал «Мир науки, культуры, образования». – Горно-Алтайск, 2025. – № 4(113). – С. 464–467. (0,8 п.л. – авт. 0,4 п.л.). **К1**.

23. Тугуз Г.Т. Эмотивные фразеологизмы в художественном тексте (на материале произведений Х. Ашинова) / Г.Т. Тугуз // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – № 3(2). – Москва, 2026. – С. 244–247. **К2**.

24. Тугуз Г.Т. Национально-культурная специфика фразеологических единиц с компонентом-зоонимом *хъэ* «собака» в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Вестник Череповецкого государственного университета. – №3(132). – Череповец, 2026. – С. 171–180. **К2**.

25. Тугуз Г.Т. Фразеологизмы с компонентом-соматизмом *цэ* («зуб») в адыгейском и русском языках // Международный научный журнал «Мир науки, культуры, образования». – Горно-Алтайск, 2026. – № 3(118). – С. 386–389. **К1**.

26. Тугуз Г.Т. Фразеосемантические поля концепта «*гушхуагъ*» (смелость) в адыгейском языке // Современный ученый. 2026. – №10. – С. 225–231. **К2**.

27. Тугуз Г.Т. О вариативности фразеологических единиц в адыгейском языке // Современный ученый. 2026. – №10. – С.164–169. **К2**.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

28. Тугуз Г.Т. Фразеологизм как средство обогащения синонимического ряда / Г.Т. Тугуз // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. Материалы VI Международной научной конференции. Тезисы доклада. – Майкоп, 2008. – С. 294.

29. Тугуз Г.Т. Отражение фразеологизмов в эпосе «Нартхэр» (цикл «*Сэтэнайрэ Орзэмэджрэ*») / Г.Т. Тугуз // Актуальные проблемы адыгской фольклористики в XXI веке. Материалы Международной научной конференции. – Майкоп, 2011. – С. 182–187.

30. Тугуз Г.Т. Фразеологические единицы в нартском эпосе (цикл «*Химишико Пэтэрэз*») / Г.Т. Тугуз // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева / Шэныгъэгъуаз. Выпуск 2(26). – Майкоп, 2013. – С. 52–56.

31. Тугуз Г.Т. Фразеологические единицы и термины, связанные с практикой выкупа невольника и кровной мести в нартском эпосе / Г.Т. Тугуз //

Материалы республиканской научно-практической конференции «Героический эпос «Нарты» история и современность». – Майкоп, 2014. – С. 124–127.

32. Тугуз Г.Т. Об отражении некоторых фразеологизмов, связанных с животным миром и охотой в нартском эпосе / Г.Т. Тугуз // История и культура народов Кавказа. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 140-летию М.Э. Джабагиева. – Назрань, ООО «КЕП», 2016. – С. 327–331.

33. Тугуз Г.Т. Фразеологизмы, отражающие силу, храбрость и мужество нартов / Г.Т. Тугуз // Нартоведение в XXI веке: проблемы, поиски, решения. Материалы Международной научно-практической конференции. – Магас, 2016. – С. 214–217.

34. Тугуз Г.Т. Отличительные признаки фразеологизмов, пословиц, поговорок, крылатых слов / Г.Т. Тугуз // Материалы V Международной научной конференции «Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи». Тезисы доклада. – Махачкала, 2016. – С. 163–164.

35. Тугуз Г.Т. Фразеологизмы в нартском эпосе / Г.Т. Тугуз // Материалы Международной научной конференции «Актуальные проблемы гуманитарного знания в XXI веке: состояние и перспективы развития. К 90-летию академика Г.Г. Гамзатова». – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН; АЛЕФ, 2016. – С. 427–429.

36. Тугуз Г.Т. Иэшъынэ Хьазрэт итхыгъэхэм фразеологизмэхэм чыпIэу шаубытырэр (Место фразеологизмов в творчестве Х. Ашинова) / Г.Т. Тугуз // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. № 9(33). – Майкоп, 2016. – С. 38–40.

37. Тугуз Г.Т. Вариантность и синонимия фразеологических единиц в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Материалы Международной научной конференции «Становление и развитие младописьменных языков. К 120-летию со дня рождения выдающегося лингвиста, основоположника адыгейского языкознания Д.А. Ашхамафа». – Майкоп, 2017. – С. 144–148.

38. Тугуз Г.Т. О некоторых фразеологических единицах с компонентом «Тхьэ» в нартском эпосе / Г.Т. Тугуз // Материалы Международного научного симпозиума «Адыгский эпос «Нарты» и мировое эпическое наследие», посвященного 95-летию со дня рождения ученого-нартоведа А.М. Гадагатля». – Майкоп, 2017. – С. 165–167.

39. Тугуз Г.Т. Соматические фразеологизмы с компонентом *шъхьэ* «голова» в адыгском нартском эпосе / Г.Т. Тугуз // Материалы Международной научной конференции «Фольклор народов Северного Кавказа в контексте евразийского диалога культур», посвященной 75-летию известного фольклориста А.М. Аджиева. – Махачкала, 2017. – С. 516–519.

40. Тугуз Г.Т. Наиболее частотные соматические фразеологические единицы в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Актуальные проблемы изучения кавказских языков. Материалы Международной научно-практической конференции. – Махачкала, 2017. – С. 185–190.

41. Тугуз Г.Т. КIэрэщэ Тембот итхыгъэхэм фразеологизмэхэм чыпIэу шаубытырэр. (Отражение фразеологических единиц в произведениях Т.

Керашева) / Г.Т. Тугуз // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. № 13(37). – Майкоп, 2017. – С. 30–32.

42. Тугуз Г.Т. Глагольные фразеологические единицы и их варианты в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Материалы V Международного симпозиума лингвистов-кавказоведов (Тбилиси, 22–24 ноября 2018). – Тбилиси, 2018. – С. 197–199.

43. Тугуз Г.Т. О некоторых соматических фразеологических единицах в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Материалы V Международного конгресса кавказоведов. – Тбилиси, 2019. – С. 248–250.

44. Тугуз Г.Т. Соматизм как компонент эмотивных фразеологических единиц в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева / Шэныгъэгуаз. Выпуск 24(48). – Майкоп. 2020. – С. 18–21.

45. Тугуз Г.Т. Функционирование диалектных фразеологизмов в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева / Шэныгъэгуаз. Выпуск 29(53). – Майкоп. 2021. – С. 20–23.

46. Тугуз Г.Т. Фразеологизмы, выражающие отрицательные эмоции в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Материалы III Международной научно-методологической конференции «Сохранение и развитие национального языка в условиях глобализации: современные методы и технологии». – Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2021. – С. 102–105.

47. Тугуз Г.Т. О некоторых эмотивных фразеологизмах в художественном тексте / Г.Т. Тугуз // Материалы научно-практической конференции с международным участием «Бемурзовские чтения-2021», посвященной памяти черкесского поэта, Лауреата Международной Кандуровской премии, члена союза писателей России Бемурзова М.Х. – Хабез, 2021. – С. 81–88.

48. Тыгъужь Г.Т. Кошбэе Пщымаф иповестэу «Гум пай гу аты» фразеологизмэхэм чыпIэу щаубытырэр. Отражение фразеологизмов в повести Пшимафа Кошубаева «За сердце дарят сердце»/ Г.Т. Тугуз // Материалы научно-практической конференции с международным участием «Экбовские чтения – 2021». – Карачаевск: КЧГУ, 2021. – С. 161–165.

49. Тугуз Г.Т. Отражение соматической лексики *шьо* «кожа, шкура» во фразеологизмах в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Сохранение и развитие национального языка в условиях глобализации: современные методы и технологии. Материалы IV Международной научно-методологической конференции, проведенной в рамках Международного десятилетия языков коренных народов. – Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2022. – С.114–116.

50. Тугуз Г.Т. Лексема *жэ* «рот» во фразеологических единицах в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Материалы международной научной конференции «Клычевские чтения». – Карачаевск: КЧГУ, 2022. – С. 185–190.

51. Тугуз Г.Т. Соматизмы как компоненты фразеологизмов в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Вестник науки Адыгейского республиканского института

гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева / Шэныгъэгъуаз. Выпуск 34(58). – Майкоп, 2023. – С. 10–13.

52. Тугуз Г.Т. Лексема-соматизм *пшьэ* «шея» во фразеологизмах в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Творчество Расула Гамзатова в поликультурном пространстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала, 2023. – С. 176–179.

53. Тугуз Г.Т. Соматические фразеологизмы с компонентом *шъхъэ* «голова» в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Сохранение и развитие родного языка в условиях глобализации: современные методы и технологии. Материалы VI Международной научно-методологической конференции, посвященной Международному десятилетию коренных народов (2022–2032). – Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2024. – С. 61–67.

54. Тугуз Г.Т. Особенности соматических фразеологизмов с компонентом *гу* «сердце» в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева / Шэныгъэгъуаз. Выпуск 38(62). – Майкоп, 2024. – С. 21–25.

55. Тугуз Г.Т. Фразеологизмэхэр художественнэ текстым зэрэщыгъэфедагъэхэр (Шъхъэлэхъо Абубэчырэ итхыгъэхэм ащыщхэмкIэ). О функционировании фразеологизмов в художественном тексте (на материале произведений А.А. Схалыхо) / Г.Т. Тугуз // Актуальные проблемы национальных литератур и литературоведения: состояние, перспективы развития. Материалы Международной научно-практической конференции. К 90-летию со дня рождения литературоведа, писателя А. А. Схалыхо. – Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2024. – С. 235–240.

56. Тугуз Г.Т. Особенности функционирования фразеологических единиц с соматизмами в адыгейском языке / Г.Т. Тугуз // Материалы VII-ой Международной научно-методологической конференции, посвященной Международному десятилетию языков коренных народов (2022-2032) «Сохранение и развитие родного языка в условиях глобализации: современные методы и технологии». – Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2025. – С. 83–87.

57. Тугуз Г.Т. Фразеологическая вариантность как важное стилистическое средство языка художественного текста (на материале произведений адыгейских писателей) / Г.Т. Тугуз // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы общего и дагестанского языкознания». К 100-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Г.Х. Ибрагимова. – Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2025. – С. 529–535.

58. Тугуз Г.Т. Фразеологическая единица и слово как члены синонимического ряда / Г.Т. Тугуз // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева / Шэныгъэгъуаз. Выпуск 43 (67). – Майкоп, 2025. – С. 17–20.